Секреты джентльмена по вызову

Автор:
Бронвин Скотт

Секреты джентльмена по вызову

Бронвин Скотт

Исторический роман – Harlequin #63

Безбедная жизнь одинокой молодой леди Анноры Прайс-Эллис в родовом поместье подходит к концу – согласно завещанию отца, к тридцати трем годам она обязана либо выйти замуж, либо расстаться с большей частью имущества и покинуть родной дом. В ожидании дня исполнения последней воли отца Аннора решается на отчаянный шаг. Она обращается в таинственное агентство, предлагающее исполнение всех, даже самых запретных, женских желаний, и нанимает джентльмена по вызову, чтобы тот напоследок подарил ей пять ночей блаженства. Прибывший господин – Николас Д'Арси – лучший платный любовник Лондона. О его амурных подвигах, краснея, шепчутся чопорные леди, а их мужья-рогоносцы мечтают о мести. Деловой контракт оборачивается нежданно вспыхнувшей страстью – Аннора и Ник не в силах противиться чувствам. Какое будущее ожидает добродетельную леди и столичного ловеласа?…

Бронвин Скотт

Секреты джентльмена по вызову

Роман

Bronwyn Scott

Secrets Of A Gentleman Escort

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © 2014 by Nikki Poppen

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Лондон, июнь 1839

Если бы Николас Д'Арси был менее умелым любовником, а роскошная рыжеволосая леди Алисия Берроуз более скрытна, ее муж никогда бы их не обнаружил.

Дьявол! Ее слышал весь дом. Да какой дом – вся округа! Лишь чудом, пока леди Алисия решила перевести дыхание, прежде чем отдаться головокружительным волнам оргазма, Ник успел услышать стремительные шаги из холла. Этот оргазм, кстати, один из лучших в карьере Николаса, мастерски удался. Леди Берроуз, если не брать в расчет ее пристрастия к шумовым эффектам, была восхитительна и вполне стоила затраченных усилий. Лежащая поперек постели, с густыми рыжими локонами, водопадом ниспадающими с высокого ложа, запрокинутой головой, призывно выгнутой спиной и содрогающимся в такт стремительным толчкам телом, она судорожно дышала. Да, черт возьми, он выложился не меньше. Лорд Берроуз и не подозревал, как много пропустил. Правда, этот досадный пробел в его знаниях мог быть восполнен.

– Алисия! – рассерженно загремел где-то в коридоре мужской голос.

– Это Берроуз! – едва не задохнувшись, выпалила она, охваченная весьма впечатляющим приступом паники, убедившим Ника, что опасность действительно серьезна.

Сколько у него осталось? Секунд десять-пятнадцать? Берроуз тучен, да и бегун из него никудышный. Значит, есть время надеть бриджи, но не более.

Ник выскочил из постели, рывком сунул ногу в штанину и принялся подбирать сюртук и рубашку.

– Ты сказала, он уехал до понедельника! – Он схватил сапоги.

– Ох, тише, молчи! Ты же не хочешь, чтобы он тебя услышал? Быстрее! – Алисия уселась на постели, скромно прикрывшись простыней.

Ник огляделся по сторонам. Бежать к окну нет времени, выбраться через дверь невозможно.

– Из гардеробной есть выход?

Если ему и суждено попасться, то только не в руки самодовольного болвана, не способного удержать в постели собственную жену.

Подмигнув леди Берроуз, он успел проскользнуть из гардеробной в соседнюю спальню.

– Где он? – донесся громовой бас Берроуза.

«В твоей комнате, старый пустомеля», – с усмешкой подумал Ник. Однако надо шевелиться. Берроуз не такой уж тугодум, догадается, что единственный безопасный выход через гардеробную. Он влетел в коридор, устремился в комнату, расположенную в крыле дома с окнами в сад и осторожно прикрыл за собой дверь. Сложив на пол ворох одежды, принялся натягивать сапоги.

– Милли, это ты? – раздался голос из передней.

Николас подхватил одежду и устремился к окну. Но не успел. Из спальни появилась степенная дама в строгом фланелевом капоре. Вдовствующая графиня! А ведь Ник был уже на полпути к свободе!

Сейчас она закричит. Ему было необходимо утихомирить ее. И он воспользовался единственной, правда не вполне здравой идеей. Шагнув к разъяренной матроне, он заключил ее в объятия и поцеловал. Весьма громко. И черт побери, она ему ответила, мягко коснувшись язычком. Вдовствующая графиня! Кто бы мог подумать! Приятный сюрприз, ничего не скажешь! Минутой позже достойная леди откашлялась и заявила:

– Молодой человек, рекомендую вам воспользоваться окном. Подпорка для плюща весьма прочная, – и заговорщицки подмигнула ему, – уже бывала в употреблении.

Господи, да представляет ли Берроуз, что творится в его доме? Не теряя времени, Ник поблагодарил леди. Меньше всего ему хотелось столкнуться с горничной Милли, которую тоже пришлось бы целовать. Хотя, с другой стороны, это предпочтительнее встречи с разъяренным лордом, вопли которого разносились по всему коридору. Снова считаные секунды отделяли Ника от побега или разоблачения. Он сбросил одежду в окно, спустил ногу, пытаясь определить, выдержит ли подпорка.

– Возвращайтесь в любое время, когда вам угодно! – крикнула ему вдовствующая графиня.

Ник рассмеялся, а когда Берроуз постучал в дверь матери, он уже карабкался в сгустившуюся тьму. Графине придется смириться с некоторым разочарованием. Возвращение в городской дом Берроузов не входит в его планы.

В целом бегство прошло без особых осложнений. Выбравшись в сад и поблуждав некоторое время по лабиринту темных аллей, Ник остановился, чтобы окончательно одеться. На какое-то время он в безопасности, хотя, зная Алисию, безопасность весьма сомнительна. Эту леди трудно назвать скрытной особой. Пройдет совсем немного времени, и лорду Берроузу станут известны подробности сегодняшнего происшествия.

Нику придется дорого за это заплатить. Он заправил рубашку в бриджи. С другой стороны, Берроуз сможет разузнать лишь его имя. Связь с Лигой джентльменов для деликатных услуг, агентства, само название которого говорит о необходимости соблюдения тайны, невозможно проследить. Представители светского общества не возражали иметь дело с высокооплачиваемыми джентльменами, соответствующими самым высоким стандартам, но разочаровались бы, если бы об этом стало известно окружающим. В противном случае разразился бы грандиозный скандал, в результате которого пострадали бы и наниматели, и «персонал».

Николас не готов вернуться в Эргоси-Хаус, место пребывания членов лиги. Что он скажет Ченнингу? Основатель агентства будет глубоко в нем разочарован.

Осмотрительность и благоразумие – основные принципы существования лиги. Нарушение их грозило гибелью организации джентльменов, поступлениям внушительных сумм и, не в последнюю очередь, концу Николаса Д'Арси, неистового лондонского любовника. Женщины готовы были платить огромные деньги за его искусство в постели, набивали его карманы драгоценностями, чтобы отведать его несравненные умения. А поскольку Николас нуждался и в деньгах, и в драгоценностях, он всячески поощрял их безумства. Кем же он станет, если прекратит свое существование Неистовый Ник?

Он пнул булыжник. Откровенно говоря, работа в лиге ему необходима не только из-за денег и известности. Секс был единственным видом деятельности, в котором он преуспел. Слава богу, ему удалось превратить свое умение в весьма и весьма ценный талант. Слава богу, он встретил Ченнинга Деверила, благодаря которому подобный успех стал возможен. В противном случае пришлось бы влачить жалкое существование клерка в портовой компании, занимающейся грузоперевозками, и не иметь возможности обеспечивать финансовые потребности семьи.

Теперь же благодаря своей репутации он мог посылать матери значительные суммы. Составлять изумительные письма двум сестрам, описывая роскошные приемы, которые посещал, и все последние новинки моды без прикрас и вымысла. Конечно, семья не имела понятия, чем Ник зарабатывает себе на жизнь, считая его деловым человеком. Из-за того, что брат болен, они никогда не узнают правду. Нет ни малейшего шанса, что им удастся приехать в Лондон и ознакомиться с реальным положением дел, за что Ник не уставал благодарить провидение. Достаточно брата со сломанной судьбой. Он не мог позволить себе окончательно разбить материнское сердце.

К тому времени как Николас поднялся по парадной лестнице Эргоси-Хаус, молочницы уже начали разносить свежее молоко. Эргоси-Хаус ничем не выделялся среди других домов богатых холостяков на Джермин-стрит. Единственное отличие – свет в окнах. Парни еще не спят, вероятно, обсуждая события минувшего вечера.

Пробегавшая мимо молочница одарила его кокетливой улыбкой:

– Доброе утро, мастер Ник. Вы снова всю ночь провели не дома.

Он поклонился и послал прелестнице воздушный поцелуй.

– Доброе утро, Грейси. – Он знал по имени каждую молочницу и каждую лоточницу с Джермин-стрит. Женщины очень ценили подобные мелочи.

Грейси погрозила ему пальчиком.

– Только не надо испытывать на мне ваши джентльменские штучки. Меня не проймешь, – поддразнила его девица. – К тому же, я слышала, сегодня вы немного опростоволосились.

Нику очень хотелось расспросить Грейси подробнее, но она уже подхватила бидоны и двинулась дальше, покачивая пухленькими бедрами. Николас ощутил беспокойство. Неужели его затруднения в особняке Берроуза уже стали достоянием гласности? В Эргоси-Хаус он вошел под громовые раскаты озорного мужского смеха. Улыбнулся. Определенным утешением было погрузиться в ставшее привычным течение дел, испытать чувство сродни тому, что окутывает каждого возвращающегося домой. В единственный дом, что был у него сейчас, то место, где Ник ощущал себя комфортно.

В просторной гостиной в креслах и на диванчиках непринужденно восседали семеро молодых мужчин. Без галстуков, фраки отброшены в сторону, жилеты расстегнуты. Полупустые бокалы бренди стояли около каждого. Его «коллеги». С ними он прожил последние четыре года. Приятели из Лиги джентльменов для деликатных услуг.

Первым его приветствовал Джоселин Эйсли:

– Хо, хо, Ник, мой мальчик, у тебя сегодня выдалась нелегкая ночка. Мы уже начали беспокоиться.

Все присутствующие немедленно повернулись к нему. Раздались свистки и аплодисменты.

– Да, о тебе непременно напишут в газетах. – Эмери Дехарт отсалютовал ему полупустым бокалом.

– Троекратное «ура» нашему герою! Ник! – воскликнул Эйсли и элегантным для такого громадного тела движением раскинулся на оттоманке. – Я ощущаю настоятельную потребность выразить в стихах наши чувства по поводу столь выдающегося события. Не каждую ночь нашему брату удается доставить удовольствие леди в присутствии благоверного.

Раздался всеобщий добродушный стон. Ник присел на диван рядом с Дехартом. Стихотворения Эйсли превратились в традицию.

– Лимерик, Эйсли! – воскликнул Майлз Грэфтон. – Грязные делишки заслуживают грязных виршей.

– Просим! Просим! – раздался дружный хор голосов.

– Ну, слушайте. – Огромный блондин призвал всех к вниманию. – Попотчую вас своим новым опусом. – Раскатистый баритон белокурого гиганта обладал настолько драматическим тембром, что вполне мог бы звучать со сцены Друри-Лейн.

Жил-был Ники из рода Д'Арси,

Всех любил он, кого ни спроси.

От его ягодиц

Леди падали ниц,

А мужья ревновали к Д'Арси.

Эйсли с преувеличенной важностью раскланялся.

– Да разве не все мы такие? – чуть громче необходимого провозгласил Эмери. – Мы повесы, вызывающие ревность у законных мужей.

– И хвала Богу за это, – мрачно бросил из угла у камина капитан Грэхем Вестмор. – Если бы джентльмены из общества должным образом относились к своим супружеским обязанностям, мы бы остались без работы.

Бывший кавалеристский офицер, Вестмор держался уединенно, возможно, столь же уединенно, как и Ник, знавший о Грэхеме меньше, чем о любом из присутствующих.

– Ну? Что вы об этом думаете? – Эйсли поднялся с оттоманки. – Разве не лучшее мое творение? Я напою эти строчки моим приятелям в «Вайтсе»[1 - «Вайтс» – старейший джентльменский клуб Лондона. (Здесь и далее примеч. пер.)], и уже к вечеру эту миленькую песенку будут повторять во всех гостиных Мейфэра, разумеется тайно. Тебе лучше заказать еще тех «французских конвертов», Ник. Они ведь нравятся тебе. Ха, твоя популярность взовьется до небес, а конверты досужие острословы назовут как-нибудь вроде Ник Жеребец.

– В газетах их и так уже называют «на пике у Никки», если верить сведениям, – раздался мрачный голос от двери.

Ник нахмурился. Ему даже не надо было оборачиваться, чтобы понять: Ченнинг Деверил, основатель лиги, уже в курсе. Да об этом наслышана, вероятно, половина Лондона, включая молочниц и журналистов. Ник надеялся получить чуть большую передышку.

– Едва удалось выбраться, а, Ник?

– Едва, но ведь удалось! – пожал плечами Николас. Возможно, Ченнинг не сильно расстроен. В конце концов, у каждой профессии свои риски. Со всяким могло случиться.

– Следует возблагодарить за это провидение. – Ченнинг криво усмехнулся. – Зайди ко мне в кабинет, обсудим произошедшее в частном порядке и решим, что делать.

Ник немедленно поник духом, воодушевление сменилось настороженной предупредительностью.

– Что здесь решать? – Он уселся в кресло напротив письменного стола Ченнинга.

– Что нам с тобой теперь делать, разумеется. – Ченнинг посмотрел на него как на идиота. – Сегодня ты зашел слишком далеко.

– Для меня не бывает слишком, – рассмеялся Ник, но Ченнинг не разделял его веселья.

– Я вполне серьезен, как и тебе бы следовало. Это добром не кончится. Берроуз непременно узнает о том, что именно ты был с его женой.

– Скорее заподозрит. Он не знает, что это я. По крайней мере, не уверен в этом на сто процентов, – принялся оправдываться Ник.

– Ты сам себя обманываешь. – Ченнинг недоверчиво вскинул бровь. – Берроуз не дурак, может догадаться, особенно когда по всему Лондону будут гулять лимерики про Ника Жеребца и карикатуры «на пике у Никки». – Черт возьми, Ченнинг прав. – Кроме того, не думаю, что Алисия Берроуз склонна хранить секреты.

И вновь достаточно весомое очко в пользу Ченнинга, учитывая, насколько быстро разнеслись сегодняшние слухи.

– Это не коснется агентства, – вставил Ник, надеясь умаслить Ченнинга.

– Я беспокоюсь не только об агентстве. Меня тревожишь и ты. Я вовсе не хочу дуэли. – Ченнинг открыл ящик стола и вынул конверт, подвинув его Нику. – Вот почему у меня для тебя новое дело.

Нахмурив брови, Ник посмотрел на письмо:

– Пять ночей удовольствия? В деревне? Да разве такое возможно? Мне, по крайней мере, эта идея совсем не улыбается. – Он презрительным движением руки отодвинул письмо в сторону, изогнув изящную черную бровь, выражая недовольство. Он городской человек, коренной лондонец. Высший свет и рафинированные красавицы всегда входили в круг его предпочтений. Ничто не могло прельстить его более чем светские леди с их нарядами и духами, утонченным остроумием и откровенными предложениями. Но деревенская простушка? Храни Господь! – Это не мое амплуа, Ченнинг.

Ченнинг вскинул бровь в ответ на демарш.

– А потворство дуэлям с околпаченными муженьками – не мое! Позволь напомнить, мой друг, в задачи лиги входит обеспечить даме удовольствие без скандалов. Дуэли не способствуют сохранению секретности. Тебе следует покинуть город, сплетни поутихнут. Спустя пару дней случится еще один скандал, и о тебе забудут. Словом, пока все не уляжется, не желаю видеть тебя под дулом дуэльного пистолета мужа-рогоносца.

– Я обещаю тебе, Ченнинг, ничего не случится, – принялся увещевать Николас. – У Берроуза нет доказательств, – хотя он непременно бы их получил, подойди к окну вовремя. Он видел всего лишь тень.

Ченнинг вертел в руках нож для разрезания бумаги.

– Конечно, вряд ли он пустится в погоню за тенью по всему Лондону. Ты ничего не оставил? Запонку? Сапог? Что-либо, что может навести на твой след?

– Ничего! Я никогда не оставляю следов. Клянусь, это был кристально чистый уход. – Если не считать поцелуя с вдовствующей графиней. Ладно, в конце концов все завершилось благополучно, а это единственное, что имеет значение.

– Похоже, у нас с тобой разные представления о «кристально чистом уходе». – Ченнинг усмехнулся.

– Твое недоверие больно ранит меня. – Николас театрально прижал руку к груди, слегка уязвленный тем, что Ченнинг вообще завел этот разговор.

Ник считался одним из самых лучших членов лиги, особенно если речь заходила об услугах исключительно интимного свойства. Не всякая дама, прибегающая к услугам агентства, нуждалась в достижении физического удовольствия. Некоторым просто хотелось произвести фурор в обществе, возможно, поднять самооценку, вернуть внимание мужа, удалившегося в силу ряда причин или привыкшего воспринимать преданность и послушание супруги как данность. Но были и клиентки, обращавшиеся в лигу исключительно ради интима, удовольствия, которого им недоставало в обычной жизни. Тогда на сцену выходил Ник. Да, он очень надеялся, что Ченнинг не обратит внимания на этот аспект письма.

– Грянет скандал или нет, я все равно собираюсь отправить тебя в деревню. – Ченнинг вперил в собеседника суровый взгляд. – Дама, о которой идет речь, ищет возможности получить физическое удовлетворение, а это явно твоя специализация. – Ченнинг, как всегда, оказался предельно внимателен.

– Но не в деревне же, – попытался возразить Ник. Он проигрывал в споре и прекрасно осознавал зыбкость своих позиций. Почва буквально уходила из-под ног. – Не самое лучшее время, чтобы покидать лигу. – Ник указал на дату в письме. – Провести вне Лондона почти целую неделю в середине июня? В разгар сезона? У нас уже сейчас больше заказов, чем мы в силах удовлетворить. – Да это просто убьет его, особенно если придется пропустить давно запланированный бал у Мальборо, летний маскарад в особняке леди Хайд в Ричмонде, и это только на этой неделе, уже не говоря о летних вечерах в садах Воксхолл с их великолепными фейерверками.

– Мы справимся. – Ченнинга не впечатлили его аргументы.

Николас продолжал настаивать, мысленно подыскивая веские основания для отказа:

– Ты можешь послать кого-нибудь другого. Джоселина или Грэхема? Майлза или Эмери? Разве Дехарт не говорил, что его прельщают сельские развлечения? Он пользовался исключительной популярностью на последнем загородном приеме, куда ты его отправил. – Ник всеми силами избегал подобных поездок, как святоша смертного греха!

– Все заняты, – с нажимом в голосе произнес Ченнинг. – Придется тебе взять это на себя. – Он выдал победную улыбку, обладавшую магической способностью убеждать и мужчин, и женщин поступить так, как ему требовалось. – Не беспокойся, Николас, Лондон от тебя никуда не денется!

И что на это ответить, не раскрывая истинных мотивов? В его жизни происходили события, о которых не знал даже Ченнинг. Николас вздохнул.

– В письме говорится, что нам заплатят более чем щедро. Сколько? – Он понимал, подобный вопрос уже сам по себе свидетельствует о согласии и заинтересованности. И все равно, лучше сделать хорошую мину при плохой игре.

– Тысячу фунтов, – спокойно объявил Ченнинг.

Николас криво усмехнулся. За такую сумму он сделает все что угодно. Даже столкнется лицом к лицу со своими личными демонами. О том, чтобы не принять предложение, уже не было речи, они оба это прекрасно понимали.

– Полагаю, мы все решили. – Когда до Ника наконец дошло осознание ситуации, он по достоинству оценил попытку Ченнинга сделать вид, будто здесь есть о чем поспорить.

– Полагаю, да. А теперь займись сборами, я купил билеты на дилижанс. Экипаж отбывает в одиннадцать. Ты прибудешь на место как раз к чаю.

«Прелестно», – с сарказмом подумал Ник, понимая, что Ченнинга не переубедить. Выхода нет. Николас прибег к своей любимой уловке, представив, что все могло бы быть и хуже. Хотя куда уж хуже. Могли ведь сослать и на больший срок. Подумать только, покинуть Лондон на целый месяц!

Глава 2

Суссекс, Англия

Анноре Прайс-Эллис осталось жить всего месяц. Жить полной жизнью. Она не впервые ощущала это всем существом. Еще с середины апреля почувствовала, как приближается нечто непоправимое, и она не в силах этого остановить, как бы она ни отрицала этот простой факт. И теперь это – даже дойдя до последней черты, Аннора не находила сил называть вещи своими именами – стояло у нее перед глазами. Большая красная дата мысленного календаря. Конечно, она подумывала о помощи. Все эксперты, к которым Аннора обращалась, пришли к крайне неутешительному заключению. Оставалось принять его и смириться. Полученные известия вынудили ее идти на существенные уступки, кроме того, сделать необходимые приготовления. Вот почему в этот прекрасный июньский день она сидела в солнечной гостиной в Хартшейвене, со вкусом одетая в модное новое платье из бледно-желтого муслина, надеясь на лучшее – странное

занятие для человека, в песочных часах жизни которого песочная струйка вот-вот закончится.

Аннора взглянула на каминные часы. Он должен был прибыть с минуты на минуту. Нервы натянулись до предела. Никогда еще она не предпринимала столь смелого и непоправимого поступка. Проклятая красная дата приближалась, Нора долго размышляла о том, что предстоит сделать, каким удовольствиям она бы хотела предаться напоследок. Она богата, может позволить себе все, что пожелает. Париж, континент, прекрасные наряды. В конце концов, роскошные туалеты ее не спасут. Она не сможет взять их собой, не продав душу дьяволу. Вопрос оставался открытым. В глубине души Аннора сознавала, ответ не так уж сложен.

Ей тридцать два, уже больше десятка лет назад она миновала пору цветущей юности, хотя совсем этого не ощущала. Надеялась, что не выглядит на свой возраст. Последние десять лет ее жизни были однообразными, ей нечем похвастаться. Во всяком случае, в том, что касается обязательных атрибутов женщины ее возраста – мужа и детей. Несколько раз она приближалась к замужеству. Однажды даже позволила негодяю разбить свое сердце, в другой раз она сама пошла на попятную, не желая рисковать, или, возможно, по причине отсутствия сильных чувств. Аннора удалилась в Хартшейвен, каждый месяц все более и более удаляясь от светского общества. Прошли годы с тех пор, когда она последний раз показывалась в Лондоне, и еще больше с того времени, как кто-то вызывал в ней интерес или она сама становилась предметом чьего-либо внимания.

Аннора вела уединенный образ жизни в прекрасном имении. Обладала очень крупным состоянием. Соответственно недостающее в социальном плане она могла компенсировать в финансовом. В плане удобства и роскоши у нее было все, что только леди могла пожелать. За исключением мужчины.

И это вскоре должно измениться. Буквально через несколько минут на главной аллее появится экипаж. С мужчиной. Она заказала его из Лондона, как заказывают модные наряды. Даже если у нее сейчас и возникали дурные предчувствия по поводу собственной опрометчивости, ничего уже не поправить.

Аннора мысленно пробежалась по содержанию тщательно составленного письма, недавно посланного по известному адресу, каждое слово которого накрепко запало в память.

«Уважаемые господа!

Я выражаю заинтересованность в тайной связи с мужчиной подобающего воспитания и благородных манер. Опрятный, холеный, способный поддержать беседу, иными словами, образованный, а также находящий приятной сельскую тишь и уединение. Заплачу более чем щедро за пять ночей совместного общения».

На то, чтобы набросать эти несколько строчек, у нее ушло три дня. Размер письма совершенно не отражал огромные усилия, приложенные на его написание. Аннора надеялась, что в агентстве поймут, в чем именно она нуждается. Небольшое объявление в газете гласило, что его сотрудники прекрасно умеют читать между строк. И все равно эти несколько строчек были самыми смелыми из тех, что когда-либо выходили из-под ее пера.

Время вышло, Аннора. Прекрати вести себя как глупая гусыня. Она чувствовала, как постепенно тает ее решимость. Когда, если не сейчас? Если ей хотелось, пока не поздно, познать таинства страсти, надо брать дело в свои руки. И вот она стоит у окна, ожидая прибытия подарка к дню рождения. Идеального мужчину, который никогда не разобьет ей сердце, не будет притворяться, что влюблен, ради того, чтобы получить ее деньги, того, кто прекрасно понимает временный характер их связи, задуманной исключительно ради обретения опыта плотских наслаждений. Без сожалений, трагедий и обид.

Пять ночей удовольствия будет достаточно. А потом она достойно встретит свою судьбу, судьбу, в неотвратимости которой ее заверили лучшие юристы Англии. Ее ожидал либо брак до достижения своего тридцать третьего дня рождения и сохранение в собственности поместья и благосостояния, либо, в том случае если она пожелает остаться незамужней, поместье и большая часть состояния отойдет в руки церкви и других благотворительных организаций. Дом будет превращен в школу, а ей придется переселиться в небольшой коттедж и довольствоваться скромной суммой денег, которая позволит жить просто, без излишеств. Изящные наряды и финансовая самостоятельность останутся в прошлом.

В любом случае, независимо от выбора, с прошлой жизнью будет покончено. Замужество подразумевало переход сказочно огромного состояния под контроль мужа. Остаться одинокой означало передать свои богатства церкви. Ни одна из альтернатив ее не прельщала. Устав от бесплодных раздумий, Аннора решила в последний раз побаловать себя покупками, заказав возмутительно огромное количество нарядов и аксессуаров, а в придачу к ним мужчину.

Послышался шелест гравия на подъездной дорожке, сердце оглушительно забилось. Бросив взгляд в окно, Аннора заметила, как мелькнул дилижанс, быстро исчезнув из вида, полностью скрытый монументальной полукруглой лестницей, ведущей к парадному входу в особняк. Чтобы хорошенько рассмотреть экипаж, необходимо было полностью выглянуть из окна, но Аннора не хотела, чтобы ее намерения выглядели настолько очевидными.

В дверях появился Пламсби, дворецкий.

– Мисс, ваш гость уже прибыл. Можно ли мне заметить, что он слишком красив для библиотекаря?

Пульс пустился вскачь, взволнованный разум уловил только последние слова верного слуги. Прибывший красив. Аннора мысленно прорепетировала приветствие. Она будет современной и утонченной. Взглянув напоследок в зеркало, она убедилась, что прическа в порядке, как и лицо. Сделав глубокий вдох, она покинула комнату, внезапно почувствовав себя слишком яркой в желтом муслиновом платье на фоне приглушенных тонов бледно-голубого холла. Однако времени переодеваться не было, невозможно сбежать с парадной лестницы незамеченной. Он ее уже увидел.

Аннора улыбнулась и направилась к нему навстречу.

– О, вы уже прибыли. Полагаю, путешествие было приятным? – Она крепко обхватила себя за талию, надеясь скрыть нервозность. Неожиданно на щеках проступил предательский румянец. Эпитет «красивый» недостаточно полно отражал его потрясающую внешность, причем настолько, что Аннора потеряла дар речи. Они знакомы всего минуту, а она уже не может вымолвить ни слова.

Чай! Она уцепилась за эту идею.

– Пламсби, распорядись подать чай в гостиную. Я приму нашего гостя там. – Едва эти слова слетели с ее губ, Аннора поняла, что совершила ужасную ошибку. – Простите, я непростительно забегаю вперед, ведь мы не успели познакомиться. Меня зовут Аннора Прайс-Эллис. – Она протянула руку, рассчитывая на деловое рукопожатие, однако гость бережно склонился над ней, коснувшись губами пальцев, не отводя взгляда от ее глаз. Рутинная процедура знакомства превратилась в его исполнении в нечто более значительное. Некий пролог, обещание.

– Николас Д'Арси, к вашим услугам.

К вашим услугам. Аннора тяжело сглотнула. Он здесь, и он великолепен! Пронзительно синие глаза смотрели поверх ее едва ли не дрожащей руки, взгляд казался захватывающим и глубоким. Черные волосы небрежно собраны назад в хвостик, открывая высокие скулы и самый совершенный из виденных ею у мужчин рот. Тонкая волевая верхняя губа, чуть более полная нижняя. Достаточно полная, чтобы пробуждать определенные чувственные желания.

Господи, как далеко вперед забежали ее мысли! Они едва встретились, а она уже представляет, как касается пальцем его губ. Аннора взяла себя в руки и неловко присела в реверансе, внутренне сомневаясь, правильно ли поступает? Следует ли делать реверанс мужчинам подобного сорта? Интересно, какого сорта этот мужчина? Джентльмен, переживающий не лучшие времена, или обрядившийся в дорогие одежды невежа, лишь подражающий изящным манерам человека из общества? Возможно, следует сделать реверанс просто для того, чтобы поддержать видимость приличий? Почему бы и нет? Это ведь ее выбор, ее фантазия. И она может воплощать ее в жизнь по собственному желанию.

Ей уж точно не следовало стоять посреди просторного холла, не отводя от него глаз. Годы правильного воспитания давали о себе знать. В голове вертелась единственная связная мысль: «Сейчас надо пригласить его на чай, а далее все само образуется». Чай успокоит натянутые нервы, позволит беседе свернуть в привычное русло любезных вопросов и ответов. «Добавить ли сливок, сахар? Пирожное или сэндвич?» Подобная вежливая беседа позволит немного к нему привыкнуть.

Аннора указала в сторону широкого дверного проема слева от себя и произнесла тоном, который, она надеялась, был утонченным и изысканным.

– Пламсби накроет нам чай в гостиной. Вы сможете отдохнуть после долгой дороги, и мы обсудим наши дела.

Достойное начало знакомства. Лучше раз и навсегда обговорить частности, прежде чем все зайдет слишком далеко.

В глазах Николаса блеснул озорной огонек, уголки восхитительно дрогнули, когда он улыбнулся. С заговорщическим видом гость чуть подался вперед, его совершенное тело оказалось настолько близко, что Аннора уловила неповторимый мужской аромат. Свежескошенное сено, лаванда, бергамот, в сочетании с лимонными нотками, само воплощение солнечного лета.

– Вы воспринимаете это как дело?

Внезапно она потеряла способность связно мыслить, что-то пробормотала о клиентах и заказчиках и необходимости обсудить соглашение ради обоюдной выгоды. Его палец мягко лег на ее губы.

– Что за прелестный солнечный денек ожидает нас, Аннора. Почему бы вам не показать мне сад? Мы могли бы продолжить разговор, прогуливаясь по его аллеям.

– Удастся ли нам достичь там достаточного уединения? – вежливо попыталась подстраховаться Аннора. Вести беседы о сделке на улице, где их могли подслушать? Она скрыла правду от слуг, когда рассказывала о вероятном визитере.

– А мы склоним головы и будем шептать друг другу на ушко. – Его глаза улыбались, когда он предложил ей руку, очень твердую, затянутую в тончайшее синее сукно, еще одно свидетельство того, что его одежда и манеры безупречны. Николас низко опустил голову, почти касаясь головки Анноры, голос зазвучал нежно и вкрадчиво. – Кроме того, я недавно обнаружил, что риск быть застигнутыми придает определенную пикантность даже самой заурядной прогулке. Вы так не думаете?

– Поверю вам на слово, мистер Д'Арси. – От одной мысли об этом ее пронзил сладостный трепет, слегка приглушив осознание того, что мужчина, одетый в шикарный синий сюртук, модные бриджи и сапоги, определенно не джентльмен.

– Пожалуйста, зовите меня Николасом. Мистером Д'Арси всегда был мой отец. Вы не против?

Как же быстро она потеряла контроль над беседой. И в самом деле, незнакомец чудесным образом умудрился взять разговор в свои руки. Он находится в холле всего пару минут, а уже раздает команды. Даже не представляя, где находится сад, Николас подхватил ее под руку и повел через высокие стеклянные двери на веранду, словно прожил в этом доме всю жизнь. Аннора не ожидала, что гость выкажет подобную непринужденность. Она предполагала играть первую скрипку. Сделка должна была состояться исключительно на ее условиях, на ее территории, в прямом и переносном смысле. Отсылая письмо, она ощущала определенную безопасность, пусть даже минимальную, уверенная, что он гость, а она хозяйка. Теперь же стало очевидно: они могут легко поменяться ролями.

Прогулка в саду вернула ей чувство уверенности, позволила привести в порядок растрепанные чувства. Гость задавал учтивые вопросы, периодически останавливаясь рассмотреть прелестные клумбы или отпустить комментарий по поводу того или иного цветка. Аннора отвечала, ощущая, как к ней возвращается контроль, вновь входя в привычный образ хозяйки.

Николас остановился у одного цветка.

– О, а это и в самом деле большая редкость. Тропический ирис, если не ошибаюсь? Очень порочный, не правда ли? С этими его тычинками, бесстыдно выглядывающими из соцветия?

Аннора залилась краской при этом слегка завуалированном упоминании фаллоса.

– У всех цветов есть тычинки, мистер Д'Арси.

– Да, но не у всех тычинки столь откровенно выставлены на всеобщее обозрение. Сравните, например, с этим скромным розовым цветком. Его тычинки аккуратно спрятаны под тесно сомкнутыми лепестками. Не то что у нашего приятеля. – Он снова показал на ирис. – Он весьма откровенен, тычинки бесстыдно выглядывают из плоской чаши, высокие и горделивые в своей красе.

– Цветы сложно назвать сексуальными созданиями, мистер Д'Арси.

– Вы так думаете? При всем моем к вам глубочайшем уважении я вынужден с вами не согласиться. Они, вероятно, самые сексуальные, самые склонные к промискуитету, – Николас сделал драматическую паузу, изогнув бровь, подчеркивая слово «промискуитет», – создания в этом подлунном мире. Подумать только, они опыляются и подвергаются перекрестному опылению с множеством различных партнеров каждый день, и все ради того, чтобы разбрасывать по ветру семена, нисколько не заботясь о том, где найдут они свой приют.

Этикет и правила приличия настоятельно требовали с ее стороны положить конец фривольной беседе, но она никак не могла заставить себя так поступить. У него самый приятный голос из тех, что ей доводилось слышать, чуть шепчущий, обволакивающий тенор, словно ласкающий произносимые им слова, создавая чувственные порочные образы в каждом предложении. Его голос обладает магической силой превратить любой, даже самый невинный предмет беседы в воплощение соблазна. Ей следует ввести их отношения в рамки приличия.

– Мистер Д'Арси, это вряд ли можно считать подобающим предметом для обсуждения.

– Я снова вынужден настаивать, зовите меня Николасом, – мягко пожурил он. – И, откровенно говоря, вы пригласили меня сюда не ради того, чтобы я вел себя подобающе.

Очень своевременное замечание. Возможно, ей не представится лучшей возможности раз и навсегда определить сущность их отношений. Они вернулись к прерванной прогулке, оставив позади фаллический ирис и великолепные цветники. Удалившись от усадьбы достаточно далеко, они брели по тенистой аллее по направлению к декоративной постройке в отдалении, имитирующей

римскую крепость. Лучшего уединения невозможно пожелать. На мгновение в голове промелькнула мысль, что он намеренно увел их в этом направлении.

– Да, Николас, я пригласила вас сюда не для того, чтобы вы вели себя подобающе. Но и не затем, чтобы предаваться безудержной оргии. – На этом ее прямота иссякла. Да, она не робкого десятка, не боится высказать собственное мнение. До сей поры Аннора без опаски шла по жизни своим путем, но сейчас вступила на доселе неизведанную территорию. Она никогда не облекала в слова подобные чувства и желания перед посторонними, не говоря уже о красивом мужчине, буквально пожиравшем ее внимательным взглядом.

Конечно, она снискала его внимание! Но ведь это его работа.

– Понимаю, – серьезно ответил Николас, успокаивающе кладя ладонь на ее руку. – Что вы сказали слугам?

– Я представила так, будто вы приехали разобраться с моей библиотечной коллекцией. Она довольно велика, и ее давно никто не пытался каталогизировать. В последний раз этим занимался мой дед около полувека назад.

Лукавая улыбка на его лице наполнила ее сердце покоем. Она долго думала о достойном поводе для приглашения постороннего мужчины в свои владения.

– О, Аннора, вы очень милы и предусмотрительны. Изобразить меня занудным ученым, книжным червем. Это точно отведет возможные подозрения, будто мной в отношении вашей особы двигают недозволенные мотивы. Кроме того, вы придумали занятие, которое позволит мне ежедневно встречаться с вами наедине и, самое замечательное, сопровождать вас в поездках по округе. Никому и в голову не придет, что вы будете держать своего гостя при себе, не показав ему живописные окрестности.

Аннора расцвела от похвалы. Они уже успели повернуть от крепости и возвращались в сторону дома, когда он продолжил:

– Что касается нас, мы больше не будем возвращаться к разговору о договоренностях. Мы здесь для того, чтобы стать друзьями. И не позволим помешать нам в этом таким приземленным материям, как «сделки»,

«контракты» и «соглашения». – Он сморщил нос, шутливо выказывая отвращение, вызвав у нее искреннюю улыбку. – Однако, покончив с этим, я бы хотел все-таки попросить вас несколько минут оставаться серьезной. – Ник обернулся и взглянул ей в лицо.

Они остановились. За его плечом виднелась усадьба, словно напоминая о том, что, когда они вернутся, все это гипотетическое предприятие обретет реальную почву. Точка невозврата начиналась у ворот сада. Николас взял обе ее ладони в свою руку, его пожатие было теплым и сильным, взгляд искренним.

– Мы на пороге восхитительного и очень личного путешествия, Аннора Прайс-Эллис. Я горд представившейся мне возможности пройти этот путь вместе с вами. Путь, который изменит нас обоих. Несомненно, вы уже неоднократно размышляли на эту тему, однако должен вас спросить в последний раз: вы готовы? Вы этого искренне желаете? Не приняли ли вы решение под влиянием какого-либо давления или стечения обстоятельств?

Наверное, именно так должна была бы она выглядеть у алтаря. Стоя рядом с возлюбленным, глядя ему в глаза и сознавая, что он чувствует то же самое. Умом Аннора понимала, он вынужден спросить, не осталось ли у нее сомнений. Понимала, в его просьбе нет ничего и отдаленно напоминающего любовь, брак, таинство. Однако это не могло затмить впечатления, что они сейчас приносят своего рода клятвы, вручая себя друг другу, пусть даже на короткое время. После сегодняшнего дня он всегда будет принадлежать ей. На всю жизнь она сохранит в душе частичку Николаса Д'Арси, своего первого и, возможно, единственного настоящего любовника.

– Готова. – Аннора кивнула, ее тихий голос пронзил тишину раннего летнего вечера.

Николас приложил ее руки к своим губам.

– И я тоже. – Он ободряюще улыбнулся. Возможно, услышал трепет в ее голосе. – Будьте уверены, я точно знаю, чего вы хотите.

Глава 3

Она хотела брачной ночи, медового месяца, удовольствий, испытываемых любовниками, познающими друг друга впервые, вкушающими наслаждения телесные и духовные. Это один из самых сложных сценариев, которые ему доводилось претворять в жизнь. Весь секрет в том, чтобы создать ощущение интимности, подобия некой сопричастности, несравнимой с физическим наслаждением и не обнажающей потаенные чувства. Ник предпочитал давать физическое наслаждение, секс, не обременяя себя близостью. Поднявшись в отведенную ему комнату, он открыл саквояж, единственный предмет личного багажа, который не позволил распаковать слуге. Окинул задумчивым взглядом предметы своего ремесла, выкладывая их на туалетный столик, подобно тому как хирург обозревает перед операцией скальпели и пилы. Крошечные стеклянные флаконы с ароматическими маслами, скандально дорогие «французские конверты» из тончайшей кожи ягненка, шелковые ленты, невесомые павлиньи перышки. Как часто он пользовался этими вещицами не только для удовлетворения клиенток, но и для собственного удовольствия. Они были придуманы с единственной целью – обрести физическое наслаждение. Это его страховка, способ доставить удовольствие даже в том случае, если он совершенно не заинтересован женщиной. Но если женщина желанна, они могли подарить поистине неземное блаженство.

Перед ним не стоял вопрос, как увлечь Аннору в чувственное приключение. Сложнее продемонстрировать некую душевную близость, ту самую интимность. По натуре он сам достаточно закрытый человек, однако рано приобрел способность разговорить собеседника, заставить его раскрыться. С одной стороны, это помогало лучше узнать окружающих, с другой – служило средством самозащиты. У людей, занятых рассказом о себе, как правило, нет нужды интересоваться собеседником.

Николас убрал свой «арсенал» в ящик комода, тщательно спрятав вещицы среди галстуков. Библиотекари не возят с собой павлиньи перья и ленты. Он улыбнулся. Библиотекарь? Нечто новенькое. В зависимости от желаний клиенток ему случалось примерять на себя множество ролей. Он превратился в хамелеона. Человеку, избравшему себе подобный способ заработка, часто приходится изображать из себя того, кем он на самом деле не является, что не всегда плохо, особенно в том случае, когда фантазия значительно лучше реальности, полной горестей и отравляющего душу чувства вины.

Однако здесь не место подобным размышлениям. Николас отбросил прочь горестные мысли и закрыл ящик. Лучше бы он занялся разработкой стратегии. Этим вечером ему не понадобятся «инструменты». Аннора совсем не готова, несмотря на ее смелые слова, якобы свидетельствующие об обратном.

Он с самого начала почувствовал ее нервозность, она вела себя так, будто не верила, что кто-то ответит на ее письмо. Ник старался заручиться телесным контактом, дотронувшись до нее сразу после их сумбурного знакомства, запечатлев на ее ручке любезный поцелуй. Да и потом использовал малейшую возможность вежливо касаться ее. Аннора пугалась, он опасался, что она изменит решение. Незавидная перспектива. Он не мог этого допустить, поскольку к тому времени, когда покинул Лондон, успел мысленно распорядиться этими деньгами.

Он прекрасно понимал силу и власть прикосновения, способного без слов убедить собеседника. Опыт подсказывал: люди более склонны делать то, что ему нужно, если сопроводить просьбу телесным контактом. Когда они вернулись домой и ему удалось снискать ее согласие, она начала постепенно оттаивать.

Нет, Аннора вовсе не холодная и не испытывала к нему неприязни. Ник увидел, как неистово забилась тоненькая жилка пульса, когда она встретила его в холле. Заметил выступивший на щеках румянец во время беседы об ирисах в саду. Она прекрасно сознавала, что происходит. Однако правила приличия настолько крепко засели у нее в голове, что, как бы она ни хотела отбросить их в сторону, пусть даже на время, задача оказалась куда сложнее, чем она предполагала. Он может помочь ей справиться с этой проблемой. На самом деле хотелось узнать, почему она вообще написала письмо?

Николас перебрался на постель и удобно растянулся, заложив руки за голову. До ужина еще два часа, необходимо воспользоваться передышкой и хорошенько подумать. Он попытался представить ход событий, словно нанося их на карту, подобно генералу перед решающей битвой. Полем боя сегодня станет обеденный стол в гостиной. Не так уж и сложно. Существуют миллионы способов поглаживать ножку бокала, мягко обхватывать пальцами его чашу, вкушать пищу и наслаждаться напитками так, чтобы вызвать сексуальный интерес, заставить раскрыться, успокоиться, думать о нем в большей степени как о мужчине, чем инструменте для удовлетворения нужд.

Сегодня перед ним двойная цель. Для Анноры он хотел уничтожить любое ощущение искусственности и неловкости их связи. А для себя определить, что заставило ее написать письмо.

Подобного рода запросы не делаются от скуки или ради удовлетворения минутной прихоти. Николас подумал о дуэльных пистолетах в его саквояже и быстро перебрал в уме обычные причины. Был ли это с ее стороны акт мести? Существует ли круг лиц, которых возмутит или оскорбит ее поступок? Не в первый раз на его памяти женщина пытается таким образом избежать нежеланного брака. Подобные сделки редко честны, в каждой из них не обходится без подводных камней.

Само по себе письмо ничем не примечательно. По дороге сюда он внимательно изучил его, но не нашел подсказок. Строчка, описывающая любовь вероятного кандидата к сельской глубинке, вызвала ироничную ухмылку. Еще более любопытным показалось упоминание тиши и уединенности. Имело ли это значение? Она затворница? Действительно ли предпочитает уединенность сельского имения, какой бы невероятной ни казалась эта мысль? Простая логика свидетельствовала о том, что затворница, избегающая компании себе подобных, вряд ли испытывала нужду в человеке, способном поддержать беседу. По прибытии Николас на практике подтвердил справедливость своего умозаключения. Итак, независимо от логических построений, опыт опровергал предположение о свойственной мисс Прайс-Эллис любви к уединению. Да, она изрядно нервничает, но ни в коем случае не отшельница.

Ник принялся обдумывать другое объяснение. А не была ли она вынуждена вести подобный образ жизни? Покинутая всеми в безвестности? Жаждущая любого человеческого контакта? Подобное предположение выглядело несколько натянутым. Суссекс не край света, расположен менее чем в пяти часах езды от Лондона. А женщина, готовая потратить тысячу фунтов за пять ночей наслаждения, если бы захотела, вполне могла бы себе позволить сезон в Лондоне.

И еще момент, вызывающий вопросы и сомнения. Мотивы. Лондон предполагал определенные приоритеты и планы для незамужней наследницы с неплохим состоянием. Они выражались одним емким определением – ярмарка невест. Сезон удовлетворил бы любую тягу к интиму, обеспечив наследницу достойным супругом. Особенно Лондон в июне. Город переполнен мужчинами в поисках богатых невест. В голове всплыла строчка из романа некоей Остин, столь

любимого его знакомыми дамами. «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену», или что-то вроде того. В данном случае молодая леди, «располагающая средствами», без мужа, представляла собой довольно странную картину.

Таким образом, если мисс Прайс-Эллис не являлась затворницей по натуре и не пребывала в вынужденном одиночестве, остается третий вариант. Она намеренно выбрала для себя жизнь в деревне. Из всех возможных объяснений это было самым таинственным. С какой стати молодая леди предпочитает прозябать в глуши, если ее к тому ничто не вынуждает? Почему решила ввязаться в рисковую аферу с платным «деликатным джентльменом», когда потенциально возможная успешная брачная партия ожидала ее всего в пяти часах езды?

Существовало много поводов, по которым богатая женщина решила бы избегать лондонского света, и ни один из них не подходил к данному случаю. Как правило, основной причиной являлась внешность, обычно малопривлекательная, а уж это определенно не имело никакого отношения к Анноре. Данную причину следовало отбросить не раздумывая.

Да, безобразная клиентка могла стать для него проблемой. Как бы эгоистично и мелко это ни звучало, но он привык к красоте. Большинство женщин, которые могли его себе позволить, были далеко не уродливы. Им просто представлялось любопытным познать то, что должно принадлежать им по праву замужества, чем обязаны обеспечить их добросовестные мужья. К счастью, Аннора красива тихой недооцененной красотой. И она немедленно привлекла его внимание.

Когда они прогуливались по саду, она произвела на него впечатление настоящей богини, естественной и обворожительной. Он наслаждался созерцанием ее прелестных черт. Мягкий изгиб чуть тронутых розовым щечек, придававший изящные очертания контурам милого личика, насыщенный болотисто-зеленый цвет глаз, напоминающий о летней сочной траве, светлые пшеничного цвета волосы, которые, намокнув, вероятно, приобретали оттенок дикого меда, гипотеза, которую Ник не против проверить. Фигура таила очаровательные изгибы и выпуклости, скрытые под несколькими слоями тонкого муслина, длинные стройные ножки, узкая талия, высокая полная грудь. Аннору уж точно нельзя назвать дурнушкой. Что еще более сгущало покров тайны. Как прелестная богатая леди могла дойти до такого?

У него был единственный способ получить ответы на многочисленные вопросы. Николас дернул сонетку, вызывая камердинера. Пришло время переодеться к ужину. Сегодня Ник желал, чтобы его туалет был во всех отношениях безупречным. Помогавший ему молодой паренек по имени Питер, мог похвастаться если не опытом, то по крайней мере некоторыми талантами в своем деле. В конце концов совместными усилиями им удалось достаточно изящно обрядить его во фрак, лилово-голубой жилет с восточным орнаментом и всего в две попытки завязать галстук модным узлом «Осбальдестон».

Николас отпустил Питера и последний раз взглянул в зеркало с целью удостовериться, что бриллиантовая головка галстучной булавки выступает достаточно из изысканных складок сложного узла, чтобы поймать искорку света, плечи фрака тщательно разглажены, а волосы аккуратно стянуты назад тонкой черной ленточкой. Длинные волосы, возможно, и не последний крик лондонской моды, однако поразительно, сколько женщин восхищались ими в спальне!

Удовлетворенный внешним видом, Николас прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Да начнется обольщение! И не важно, какие призраки из прошлого пробудила в нем деревня, он справится со своей задачей. Займется любовью с мисс Прайс-Эллис так, будто от этого зависит все. Ибо так оно и есть.

Мистер Д'Арси уже спустился гостиную, твердо следуя предписаниям этикета, гласящим, что джентльмену не следует заставлять леди ждать себя. Элегантно одетый, Николас держался непринужденно и уверенно, темный вечерний костюм создавал заметный контраст белизне мраморной отделки помещения. В одной руке он небрежно держал полупустой бокал с аперитивом, отрешенно устремив взгляд в окно на зеленую лужайку газона. Он немедленно обернулся, услышав легкое постукивание туфелек и тихий шелест юбок.

– У вас прелестный дом. Я восхищен. – Рука устремилась в сторону длинных окон, указывая на сад, однако взгляд его был направлен только на нее, безмолвно свидетельствуя о том, что он наслаждается иным зрелищем.

Приятная волна тепла накрыла ее при виде столь откровенно высказанного одобрения. Прежде чем вызвать горничную, Аннора провела в своей спальне более часа, лихорадочно подыскивая платье, и остановилась наконец на бледно-лиловом шифоне. Очевидно, искренний восторг гостя стоил затраченных усилий.

– Спасибо. Хартшейвен стоит того, чтобы им восхищались. Он был задуман как воплощение прекрасного.

– О, это определенно так. – Его губы еще шире растянулись в приветливой улыбке, открывшей очаровательную ямочку в левом уголке рта.

Господи, как ему удается превратить любой комментарий в комплимент? Делать нечего, надо продвигаться вперед и спокойно относиться к возможным осложнениям. Аннора подошла к окну и кивнула Николасу, чтобы он к ней присоединился. Она попыталась перевести беседу на нейтральную тему, которая бы с меньшей вероятностью будоражила ее чувства, однако, погруженная в раздумья о грядущей ночи, едва могла связать пару слов.

– Мой прадед устроил сады по проекту Кента и Брайджемана.

– Я узнаю их стиль.

Ник стоял у нее за плечами. Аннора ощущала слабые нотки его одеколона, не подозревая доселе, что мужчина может так соблазнительно пахнуть. Она настолько углубилась в этот аромат, естественно не выдавая себя, что едва не утеряла нить разговора.

– Мне посчастливилось побывать в Чизвик-Хаус. Сады Берлингтона так же совершенны, как ваши.

Чизвик? Это упоминание немедленно привлекло ее внимание. Аннора не удержалась и украдкой бросила на собеседника взгляд. Чизвик-Хаус знаменитое владение графа Берлингтона. Кем бы ни был Николас Д'Арси, он вращался в весьма влиятельных кругах, если его туда приглашали. Он поймал ее взгляд прежде, чем она успела отвернуться, и усмехнулся.

– Удивлены?

– Я вас едва знаю. Думаю, в данном случае все может вызвать удивление. – Ее тон прозвучал чуть более резко, чем она того желала, но в теперешнем положении Аннора хваталась за любую соломинку, чтобы удержать самообладание. Тот факт, что она его «едва знала», вовсе не замедлял

отчаянное биение ее пульса или желание упиваться каждым его комплиментом. Ввязавшись в эту авантюру, она надеялась, что логика удержит от слишком эмоциональных реакций. Эта стратегия давала сбой.

Николас успокаивающе накрыл ладонью ее руку. Едва ощутимое прикосновение вызвало легкое покалывание.

– Мы исправим это за ужином. – Он кивком указал в сторону входа в гостиную. – Полагаю, ваш дворецкий готов сделать объявление.

Пламсби откашлялся, привлекая внимание. Аннора была настолько поглощена Николасом, что не заметила появление дворецкого.

– Ужин подан.

– Я велела Пламсби подать ужин в малой столовой, – заметила Аннора, довольная, что наконец говорит по существу.

С каждой минутой общения ее реплики утрачивали хозяйский тон. Нет, совсем не так она представляла себе их разговор. В ее фантазиях ей отводилась роль утонченной леди, всегда неуловимо опережающей собеседника, прекрасно знакомой со всеми светскими нюансами непринужденного тет-а-тет. К сожалению, фантазии мало соответствовали действительности, в которой ее робкие манеры провинциальной барышни не могли соперничать со сверкающим лоском его лондонского обаяния. Аннора не обладала подобной утонченностью. Оставалось надеяться, что ее элегантная столовая окажется на высоте.

Столовая не разочаровала. Она выходила окнами на веранду, и готовившие ужин слуги постарались на славу. Естественно, они предполагали обычный деловой ужин, однако все равно желали, чтобы дом выглядел как можно лучше. Розоватые тени летних сумерек едва проникали сквозь застекленные створчатые двери веранды, обволакивая кремовые стены полупрозрачной дымкой. Внимание входящего привлекал стол в центре комнаты, застеленный белоснежной льняной скатертью. Две высоких тонких свечи в серебряных подсвечниках стояли, как часовые; неяркое мерцание огоньков пламени воспринималось как приглашение. Между ними высилась ваза с желтыми садовыми розами. Стол был сервирован веджвудским фарфором на две персоны. Картину дополняли тонкие хрустальные бокалы и серебряные приборы. В

ведерке со льдом ожидало охлажденное шампанское.

Им помогли разместиться два лакея, и Пламсби снял с блюд серебряные крышки, представляя ароматное содержимое. Правда, услуги дворецкого на сегодня этим и заканчивались. Аннора заранее дала понять Пламсби, что они собираются поужинать без церемоний, обслуживая себя самостоятельно. Верный слуга попытался протестовать, однако она успокоила его, заметив, что вряд ли стоит точно соблюдать протокол ради единственного гостя. Поскольку тот библиотекарь, следовательно, явился в дом в качестве наемного служащего. Пламсби в конечном счете согласился с хозяйкой.

– Вы позволите?

Николас достал бутылку шампанского и с едва слышным хлопком ловко открыл ее. Наполнил бокалы и переключил внимание на цыпленка, проявив в его разделывании столь же элегантное мастерство, что и в обращении с шампанским. Не прикладывая видимых усилий, разложил по тарелкам жареного цыпленка и салаты. Джентльмен от рождения или нет, Николас был воистину виртуозен в предписываемом джентльменам этикетом искусстве поведения за столом, предложив леди самые лучшие кусочки. Это, безусловно, делало его личность еще более таинственной и интригующей. Господь свидетель, с такими манерами и внешностью его принимали бы повсюду!

– Тост, Аннора. – Он поднял бокал. – За летний вечер и новых друзей.

Их бокалы встретились с мелодичным хрустальным звоном. Аннора пригубила вино, позволяя искрящейся ледяной жидкости катиться по горлу. Она любила шампанское и вполне могла позволить себе его хоть каждый вечер, но ей казалось грехом пить в одиночестве.

Хотя, если подумать, грехом куда менее значительным, чем тот, который она собиралась совершить сегодня. Она судорожно подыскивала, что сказать. Вероятно, следовало провести значительно больше времени, обдумывая темы для беседы, чем выбирая платье. Боже, так она о нем ничего не узнает. Следует хотя бы попытаться. Аннора остановилась на единственной теме, пришедшей в голову:

– Вы страстный поклонник садов?

– Я страстный поклонник многих прекрасных вещей, в том числе и садов. – Его рука лениво скользила вдоль ножки бокала. С любым другим мужчиной Аннора бы и не обратила внимания на этот жест. Но, находясь рядом с ним, не могла отвести глаз.

– И что же еще вас восхищает?

– Меня восхищаете вы, Аннора. – Он улыбнулся.

Она уткнулась в тарелку, залившись краской. До такой степени Аннора не краснела уже много лет. Вероятно, ее светская обходительность нуждается в большей полировке, чем ей думалось.

– От вас вовсе не требуется говорить подобные вещи. Кроме того, мы едва знакомы, чтобы вы делали заключения.

– Вы полагаете, я изрекаю вежливые банальности? Уверяю вас, вовсе нет. Весь сегодняшний вечер я провел в этом прекрасном доме, меня принимали и за мной ухаживали, и я рискну не согласиться с вашими словами. Имение часто является отражением владельца. Очень многое можно сказать о личности, исходя из его или ее окружения. Я чувствую, у вас есть своя история, Аннора, и мне бы очень хотелось ее услышать. Как случилось, что вы здесь обосновались?

Она резко взглянула на него из-за бокала:

– Понимаю, вежливый вариант вопроса, как я в своем преклонном возрасте тридцати двух лет все еще в одиночестве?

Николас рассмеялся и откинулся на спинку стула.

– Что вы за обидчивое колючее создание? Вы всегда столь циничны? Мы едва сели за стол, а вы уже успели обвинить меня в неискренности и лести. Когда же я пожелал узнать вашу историю, сочли меня грубым, загадали мне настоящую шараду.

О боже, да. Он прав. Она так волновалась, стараясь играть роль достойной хозяйки, что при первой же возможности полностью ее провалила. Аннора

задумчиво посмотрела на полупустую тарелку, собираясь с мыслями.

– Я должна перед вами извиниться. У меня в этом мало опыта.

Ник снова подался вперед, на этот раз ободряюще касаясь ее руки:

– Нет нужды извиняться. Я нахожу подобного рода шарады весьма освежающими. – Он подмигнул. – Давайте лучше выпьем шампанского. Оно нам поможет, и мы попытаемся еще раз. – Николас выводил чувственные круги на ее ладошке, что действовало одновременно расслабляюще и побудительно.

Ни один мужчина не касался ее так, как он, часто и возбуждающе. Она постоянно ощущала его близость начиная с самого его прибытия. Случайное касание рукой ее рукава, ощущение его ладони у себя на спине, и все вполне в рамках приличий. Джентльмены постоянно дотрагиваются до леди таким образом. Она сама испытывала на себе такие прикосновения, но с иным результатом, не чувствуя ни приятного тепла, распространяющегося по всему телу, ни обжигающего покалывания в области живота и чуть ниже. О боже, нет, определенно она никогда не ощущала ничего подобного.

– А теперь, Аннора, расскажите мне все-таки свою историю. Я хочу узнать, как вы стали королевой этого маленького королевства.

– Я здесь выросла и никогда не покидала этих мест, по крайней мере надолго. – Аннора сделала маленький глоток. Он прав, шампанское действительно помогло. Она вряд ли когда-либо и с кем-либо разговаривала о своей семье. Когда-то это была хорошая семья, но время и превратности судьбы полностью разрушили ее, оставив Аннору с наследством, которое также грозило вскоре утечь сквозь пальцы. Она вовсе не склонна возвращаться мыслями к этой печальной ситуации, сталкиваясь со зримым напоминанием о том, что вот-вот потеряет в том случае, если не продаст душу, вступив в брак с мужчиной, которого никогда не любила.

– Почему? – Он убеждал ее голосом, прикосновениями, пристальной искренностью взгляда. Даже собственная столовая, казалось, ополчилась против нее. Мерцающие свечи создавали хрупкую близость, словно противостоящую все более и более сгущающимся сумеркам.

– Потому что это был мой дом, здесь жили люди, которых я любила. Хартшейвен не всегда пустовал. – Аннора не собиралась рассказывать о себе или раскрывать подробности, которые не имели отношения к той работе, ради которой его пригласили. Но начав, уже не смогла остановиться.

Истории сменялись одна другой, побуждаемые смехом Николаса или ободряющим кивком. Она поведала о своей семье, дедушке и бабушке, родителях, приезжавших на лето кузенах. Она не рассказала лишь о тете. Ей не место в счастливых историях.

Радостные летние месяцы сами по себе достойны описания. Долгие прогулки по зеленым лугам, рыбная ловля в ручье и бесконечные игры в прятки в саду. По мере того как она рассказывала, воспоминания словно оживали. Веселые призраки прошлого населяли ее рассказы. Радостный смех гонявшихся по парку кузенов, добродушное терпение дедушки, учившего их ловить рыбу в ледяном потоке. Все казалось таким живым и близким, хаотичным и бесконечно дорогим. Она почувствовала, как внезапно ожила. Не существовало больше робкой мисс Прайс-Эллис, сидевшей за столом с незнакомцем. Нет, этот человек каким-то непостижимым образом за очень короткое время стал ее другом, о котором она пока мало знала, но тем не менее казавшимся ей странно близким.

– Что же случилось? – Николас разлил по бокалам оставшееся шампанское. Боже, неужели они успели выпить так много или просто засиделись за столом?

– То, что обычно случается. Мы выросли, время прошло. – Призраки испарились. Свечи часто мерцали, догорая. – Я бы все отдала, чтобы вернуть его назад. А что же вы? Как вы дошли до жизни такой? – Вопрос был слишком откровенен и смел. В ней говорило шампанское.

– Думаю, будущее обещает нам большее. – Николас осушил бокал и решительно отставил его в сторону. Поднявшись, протянул ей руку. – Пойдем со мной.

Аннора медленно поставила бокал на стол, поглощенная его словами и их возможным значением. Сейчас это случится! Он отведет ее наверх и уложит в постель. Она поднялась на ватных ногах и скованно взяла его руку. Когда настал тот самый момент, неотвратимый акт показался ненужным дополнением к приятной беседе, и друг вновь стал незнакомцем. Чары разрушились.

Глава 4

Он ее терял. Навеянная магией шампанского и свечей, близость не опьянила Аннору настолько, чтобы сломить внутренние оковы. Не то чтобы Николас недооценил расслабляющее значение алкоголя и дружеской беседы, скорее, неправильно рассчитал их силу. Уже сейчас он замечал, как она исчезает, оставляя Аннору с ее раздумьями, заставляя сомневаться в правильности решения пригласить его в поместье. Прежде он полагал разумным отвести ее в спальню, теперь же решил сопроводить на веранду, надеясь на целительное воздействие свежей ночной прохлады и мерцания звезд. Едва они оказались там, она неловко попыталась обмахнуть рукой пылающие щечки и издала смущенный смешок.

– Боюсь, я нарушила главное правило светской беседы.

Николас неспешно улыбнулся в ответ, наслаждаясь ее прелестным румянцем:

– И что же это за правило?

– О, весьма важное, согласно нему леди должна предоставить джентльмену право вести беседу. Мне следовало позволить вам рассказывать о себе, искусно задавая учтивые вопросы и давая возможность раскрыться. Это первое правило, которое вызубривает каждая дебютантка. Если юная леди не умеет изящно предаваться безобидному флирту, она, по крайней мере, должна уметь слушать.

Николас запрокинул голову и рассмеялся, глядя в звездное небо. Ее невинная прямота действовала удивительно освежающе.

– Едва ли! Я получил искреннее удовольствие, слушая ваши истории. Кажется, сегодня у меня выдался один из самых приятных вечеров за долгие годы.

– Да что вы говорите? – Прозвучавшие в ее едком замечании циничные нотки больно укололи, быстро оборвав благодушный смех. Она смерила его подозрительным взглядом. Волшебство развеялось. Теперь Нику предстояло плести новое заклинание.

– Простите? – Он принял непонимающий вид, хотя прекрасно догадался, о чем она спрашивала. Решила вести себя прямолинейно, хорошо, ей придется самой в этом признаться.

– Вы знаете, что я имела в виду. Этот ужин, мои рассказы, все было задумано, чтобы вызвать меня на разговор, заставить открыться. Думаю, с вашей стороны очень умно опробовать на мне этот несложный дебютантский трюк.

Аннора оказалась более сообразительной, чем его обычные клиентки, или просто менее сговорчивой. Какой вызов для его мастерства прожженного ловеласа. Она обвиняет его в том, что он пытается откупиться от нее пошлыми банальностями. Ник взял ее за руку, поглаживая, якобы рассеянно выводя неспешные круги.

– Трюк слишком грубое слово, Аннора. Почему вы уверены, что это уловка? Вы очень милая женщина, с вами приятно находиться рядом.

И это правда. Ему нравилось наблюдать, как она оживала, рассказывая свои истории, вспоминая о детстве. Ее детство не сильно отличалось от его собственного, он подмечал неистовые искорки в ее глазах. Эта неистовость, дикость была очень хорошо спрятана, и Николас поражался, что ему посчастливилось наблюдать подобного рода откровенность, обычно сдерживаемую самообладанием и приличиями. Он также задавал себе вопрос, как она будет выглядеть, когда эти оковы спадут.

– Скорее не милая, а подозрительная, и не знаю, насколько это приятно, – возразила она, перефразируя его слова. – Особенно когда кто-то внезапно осознает, что я ему очень нравлюсь.

За суровыми словами крылась застарелая боль. Постепенно часть истории ее жизни, умалчиваемая за ужином, стала проясняться.

– Некоторые люди могут испытывать естественную склонность друг к другу, вы не находите?

Аннора одарила его сердитым взглядом, как нельзя лучше отразившим ее мнение на сей счет.

– Некоторые, возможно. Не все.

Сегодня она посрамила многие его заготовки. Он вовсе не ожидал, что его предполагаемая сельская простушка окажется такой колючей, мудрой и прекрасной. Николас был уверен в легкой победе. Теперь же стало очевидно, что все пошло не так. На какое-то время за ужином она забыла свои опасения и ограничения. Да, Ник вполне способен вернуть сладкое забытье, но для этого придется постараться. Он поднес ее руку к губам и предпринял наобум еще одну попытку.

– Я вовсе не охотник за состоянием, Аннора. Я безвреден, и со мной вы в безопасности. Я не такой как все.

Она покачала головой:

– Я пригласила вас сюда именно для того, чтобы вы окутали меня льстивыми комплиментами. Я с самого начала знала, что это все фальшивка, обман. Думаю, вы могли оказаться гораздо хуже и…

– В таком случае лучше не думайте, – мягко перебил Ник и коснулся ее щеки, нежно обведя кончиком пальца линию подбородка. – Вы пригласили меня сюда не для того, чтобы думать, а чтобы обрести удовольствие. – Он принялся вкраплять в свои речи легкие, почти воздушные поцелуи, ласково касаясь губами ее подбородка и порхающими движениями продвигаясь вдоль тонкой шейки. – В удовольствии нет стыда, Аннора, нет бесчестия в желании. Стремление к обретению наслаждения свойственно природе человека. – Его губы сомкнулись на тоненькой жилке пульса. Аннора вновь начала плавиться, поддаваясь умелому обольщению. Он ласкал ее словами, поцелуями, чувствуя, как просыпается ее тело.

Николас увлек ее рот в чувственном порочном танце поцелуя. Медлительные и вкушающие, его губы не спешили покинуть ее уста, задерживаясь в томном познании сладких глубин. Пробуя и поддразнивая, вызывая противодействие и заражая обжигающей жаждой обладания, он прижал ее к себе, давая почувствовать обуявшее его напряжение, безошибочно воспринимаемое даже через одежду. Придерживая за талию, усилил объятия, заставляя ее буквально соединиться с ним, убеждая, что здесь ее ждет земное и небесное, ад и рай, слитые воедино.

Ник почувствовал, когда Аннора ответила согласием. Ее руки обвились вокруг его плеч, она запрокинула голову, он что-то прошептал, уткнувшись в ее обнаженную шейку. Не услышав ответа, переспросил еще раз, хриплый голос источал желание.

– Идем со мной.

На этот раз она повиновалась. Он действовал осторожно, стараясь не разорвать едва возникший контакт, бережно придерживая ее руку в своих теплых успокаивающих объятиях. Это должно было сработать, и работало до определенного момента. Чувственное забытье длилось, пока они поднимались по лестнице, и он вел ее по коридору к двери направо, которая, как он знал, вела в ее комнату. Потом все внезапно прекратилось. По крайней мере, у нее.

Его тело, на удивление, подавало отчетливые сигналы полной готовности. Ему даже не потребуются обычные «помощники», как Ник любил называть арсенал своего саквояжа. Не всегда просто вызвать собственное возбуждение. Однако сегодня все произошло на редкость легко, фактически это оказалось единственным, что удалось без малейшего усилия. С того самого мгновения, когда он увидел ее в элегантном бледно-лиловом шифоновом наряде с высокой талией и лифом с низким декольте, подчеркнутым собранными под грудью лентами, специально задуманными для того, чтобы усилить эффект выреза, у Николаса в этом отношении проблем не возникло. Платье подчеркивало естественные изгибы и выпуклости ее тела, доводя фигуру до совершенства, того же эффекта достиг и мерцающий, чуть приглушенный и таинственный свет свечей. Пусть даже мисс Прайс-Эллис не выставляла свои достоинства напоказ, как свойственно его знакомым лондонским дамам.

Ник потянулся к дверной ручке, уже готовый чуть подтолкнуть спутницу и войти вслед за ней, как она внезапно остановила его, ее рука накрыла его ладонь. Выражение прекрасных глаз казалось честным и немного грустным, когда их взгляды встретились.

– Мне жаль, Николас. Не думаю, что смогу этой ночью.

Он мягко улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

– Возможно, мне удастся тебя убедить. Легкий массаж при свечах, а? У нас с тобой в запасе вся ночь, мы можем продвигаться вперед маленькими шажками. – Было бы восхитительным наслаждением нежиться с ней в постели, не боясь разъяренного мужа, готового взломать дверь.

– Нет. – Аннора была тверда, отступая назад и сохраняя дистанцию. – Вы очень привлекательный мужчина, Ник Д'Арси, но все еще для меня незнакомец. Думаю, чем бы мы ни занялись сегодня ночью, это стало бы ошибкой. Что касается меня, я предпочту немного подождать и надеяться на лучшее.

Она повернула ручку и проскользнула внутрь, оставив его одного в темном коридоре, возбужденным и задающим себе вопрос, как же прекратить мучительное ощущение, которое столь непредусмотрительно в нем разожгла Аннора Прайс-Эллис. Когда, лежа у себя в спальне и выстраивая любовную стратегию, Ник обдумывал планы на грядущий вечер, он и представить не мог, что проведет ночь наедине со своей рукой, испытывая нещадные муки, чувствуя физическое и мысленное возбуждение. Николас быстро разделся. Если повезет, он быстро найдет себе облегчение и немедленно заснет. Он улегся в постель, взял член в расслабленный кулак, поглаживая возбужденное естество длинными плавными движениями, начав с медленного темпа, постепенно ускоряясь, когда потребность усилилась. Как он и думал, это долго не продлилось. Ник ощутил некоторое облегчение, когда все закончилось, потянулся за полотенцем и принялся ожидать наступления сна.

Однако рассудок отказывался повиноваться. В его сознании беспорядочно мелькали образы и соображения, касающиеся мисс Анноры Прайс-Эллис. Отправилась ли она в постель столь же неудовлетворенной, как он? Жалеет ли об отказе, не думает ли взять свои слова обратно? А ведь она не осталась к нему совсем уж бесчувственной. Вынуждена ли и она искать облегчение самостоятельно? Какая извращенная ирония судьбы находиться друг от друга буквально через дверь и заниматься самоудовлетворением вместо того, чтобы доставить наслаждение друг другу. Ченнинг и парни будут хохотать до колик, если узнают. Николасу никогда не избавиться от шуток. Равно как и не забыть ее последние слова в коридоре об «ошибке и желании подождать и надеяться на лучшее?» Эти две вещи были немыслимы для женщин, желавших вступить с ним в интимную связь. Ник взбил подушку и перевернулся на бок в надежде найти более удобное положение для сна. Однако в итоге лишь сильнее углубился в мысли о чуде, что так потрясло его раньше. Ее необузданность. Что могло такого случиться, чтобы загнать эту прелестную дикость глубоко внутрь натуры.

Он ощущал удивительную близость с Аннорой Прайс-Эллис. Ее рассказы пробудили его собственные воспоминания. Он тоже помнил летние месяцы в деревне, полные смеха и детских игр. Сожалел о том, что невозможно вернуть те яркие солнечные дни. Более того, эти истории много поведали ему об ее внутреннем содержании. Николас видел, как сияние юношеской беззаботности словно окутывало миловидное лицо, когда она рассказывала веселые случаи из детства, сияние, которое теперь полностью померкло. В этом они похожи.

Аннора думала, что ее жизнь кончена и больше с ней никогда не случится ничего удивительного и приятного. Все прошло, лучшие дни позади. Нику не понятны причины подобных умозаключений. Несмотря на его кропотливые расспросы, ей удалось удержать при себе множество тайн. Он, несомненно, понимал, что она создала в этом поместье некую уютную бухту, прибежище от тяжелой реальности. Сознание предсказуемости жизни обеспечивало особого рода комфорт и утешение.

Николас хорошо знал, что это такое. Ему пришлось пережить этой ночью шокирующее осознание того, что, несмотря на бросающиеся в глаза внешние различия, они обладают удивительным внутренним сходством. Приехав в Лондон и приняв предложение Ченнинга помочь с задуманным агентством, Николас прекрасно представлял, что отказывается от целого ряда надежд и ожиданий. Он не подписывал официальных бумаг и не подвергался публичному остракизму. Однако прекрасно сознавал, как устроен свет. Согласившись исполнять роль высокооплачиваемого куртизана, он занимал собственную нишу в высшем обществе, но никогда уже не смог бы стать его полноправным членом. Жениться на респектабельной леди? Какая уважающая себя дама согласится стать супругой подобного мужчины? Следовательно, отказ от собственной семьи, от того, что он полагал само собой разумеющимся вплоть до трагической смерти отца. Теперь брат, две сестры и матушка полностью зависели от него. Ник мечтал обеспечить их самым лучшим, чего бы ему это ни стоило. Он спрашивал себя: чем пришлось поступиться Анноре, что довело ее до теперешней ситуации? Что могло с ней случиться, чтобы она решила, будто жизнь кончена? Поверила ли она в это окончательно, или у нее еще сохранился лучик надежды на то, что наступит день и все изменится? В конце концов, Ник здесь подлинный волк в овчарне ее безопасности, готовый разорвать кокон ее стабильности, причем по ее же собственному приглашению.

К тому времени, когда взошло солнце, Ник составил новый план обольщения. Несмотря на заботливо оборудованную спальню и доставленное себе облегчение, он практически не спал. Отказ Анноры буквально лишил его покоя. Когда же в спальню проникли первые лучи, быстро протер руками глаза и проследовал на балкон. Выходящая на восток комната отличалась великолепным видом на зеленые лужайки, ведущие к конюшням и каретному сараю.

Стоя на балконе и наблюдая утреннюю сельскую идиллию, Ник едва различал темные фигурки конюхов и лошадей. Он успел забыть, как рано начинается жизнь в деревне. В это время в Лондоне он только отправлялся в постель, свою или чужую. Эту ночь он провел в собственной постели.

Стратегически Ник не мог не признать, что, отказавшись от интимной связи, Аннора пришла к здравому решению. Возможно, она и принимала его как дорогого гостя, а на короткое время ужина даже обращалась с ним как с близким другом, но в глубине души считала кем-то вроде наемного служащего. Пока она не избавится от этой мысли, ему не удастся доставить ей удовольствие. Необходимо, чтобы она стала воспринимать его другом, пусть временным, но искренним товарищем. Иначе она никогда не почувствует той радости, к которой стремилась.

И дело не в том, что она его не замечала. Напротив, ощущала его присутствие даже слишком остро, понимала, зачем он сюда явился, в чем его роль. Ей просто необходимо с этим примириться. Ник замечал в глубине ее карих глаз сомнения, от которых надеялся, и безуспешно, избавиться еще во время первой встречи в саду. Поэтому поил ее шампанским и выспрашивал забавные истории из прошлого. Какое-то время его стратегия работала. Был момент, когда во время поцелуя она полностью забыла, что он наемный работник. Николас ощущал пробуждение ее тела, чувствовал ответные робкие движения губ. Ему необходимо создать еще несколько таких моментов, когда она открыта и доступна. Как это сделать?

Николас оперся локтями о перила балкона. Наступающий день обещал быть теплым и солнечным. Прекрасный летний день. Лето. В памяти всплывали фрагменты историй Анноры. Лето, твердыня ее юношеской дикости и необузданности, возможно, последний оплот души. Идея начала обретать очертания. Ник сам себе улыбнулся. Теперь он точно знал, что делать. Время одеться и предпринять небольшие изыскания.

Глава 5

В ее доме мужчина! Эта мысль первой пришла в голову Анноры после пробуждения и продолжала терзать все время, пока она одевалась. Да и как иначе? С раннего утра буквально все в доме помешались на идее мужского присутствия. Именно об этом ей незамедлительно сообщила горничная. Гость проснулся с первыми лучами солнца, отправился осматривать конюшни, что-то разыскивая, приказал заложить двуколку для прогулки по поместью.

Горничная Лили окинула хозяйку лукавым взглядом, доставая из гардеробной одно из лучших утренних платьев.

– Как странно, мисс, что библиотекарь решил осмотреть окрестности поместья.

– Это поможет ему понять Хартшейвен, – расплывчато пояснила Аннора, внезапно целиком и полностью погрузившись в созерцание шкатулки с драгоценностями. Слишком настойчивые расспросы слуг о новом госте ни к чему.

– А. – Горничная продолжила расправлять платье. – Ну, он уж точно красавчик. Вчера все о нем говорили. Впервые встречаю такого симпатичного библиотекаря.

Аннора подняла взгляд от шкатулки и вежливо, но весьма холодно улыбнулась горничной, намереваясь положить конец расспросам.

– Все когда-нибудь случается впервые. Надеюсь, мы не будем смущать гостя настойчивыми вопросами во время его недолгого визита.

Ах, если бы только ей удавалось следовать этому правилу. В ее доме мужчина, хочется узнать о нем все. Он очарователен и красив, а когда смотрел на нее, флиртовал с ней и целовал ее, становилось невообразимо сложно помнить, что все это притворство и мистер Д'Арси лишь добросовестно выполняет свою работу. Неспособность принять логичный практицизм ситуации создала дилемму, повергшую ее прошлой ночью в состояние растерянности, которую так

и не удалось убрать.

Часть ее с радостью готова была растаять, отдаться чувственной фантазии, представить, что эти взгляды, тщательно забрасываемые любовные сети предназначены только для нее. Забыть, что Николас Д'Арси, сделавший наслаждение своей профессией, слоняется по всему Лондону, говоря великому множеству женщин одни и те же вещи каждую ночь. Вы очень милая женщина, с вами приятно находиться рядом. Сегодня у меня выдался один из самых приятных вечеров за долгие годы. Хотелось бы верить каждому слову, и это пугало. Ее чувства однажды были серьезно задеты, что привело к ужасным опустошительным последствиям, необходимо быть осторожной. Аннора не желала повторения пройденного, потому и наняла Николаса. Физическое удовольствие без душевной привязанности. А теперь засомневалась. Поддаться чувствам, значит, потерять себя, обманувшись фальшивой привязанностью, такое уже случалось прежде.

Однако существовала и другая сторона медали. Если Аннора предпочтет дистанцию и будет постоянно напоминать себе, что Николас наемный служащий, вряд ли вообще вступит в эту связь, просто не сможет принять утверждение, будто интимная близость – это та же работа. Для нее это не работа, не рутинная обязанность. И никогда не была таковой для ее родителей, которые любили друг друга и умерли в один день. Много лет назад она пообещала себе, что и для нее близость будет чем-то особенным.

Тем не менее существовал некий третий путь, остается его найти. Возможно, встреча с Ником при свете дня, когда спадут чары лунного света и шампанского, поможет обрести взвешенную обдуманную позицию, которая позволит продвинуть отношения.

Достаточно было нескольких мгновений, чтобы она осознала: утро и солнечный свет ей не помощники. Спустившись вниз, она обнаружила Николаса Д'Арси во главе стола, одетого в летний костюм для верховой езды. Бриджи тщательно отглажены, сапоги начищены, белоснежная льняная сорочка столь же элегантна, как и накануне. Он поднял глаза от газеты и улыбнулся.

– Доброе утро. – И это, вероятно, самое приятное пожелание доброго утра в ее жизни.

– О, так вот кто у нас рано встал. – Аннора слишком поздно оборвала наигранно-легкомысленное замечание, догадавшись о его ином смысле.

– Да, с этим у меня проблем не наблюдается. – Ник одарил ее порочной улыбкой, не оставив без внимания двусмысленность фразы. – Мне необходимо было кое о чем позаботиться. – Он отложил газету и любезно указал на соседний с ним стул, предлагая составить компанию.

– Уже скучаете по городской жизни? – Аннора кивнула на газету. Сама она читала их редко. Ее мало заботило, насколько успевали устареть новости. С другой стороны, для него газеты могли иметь большое значение. Деревенская мышка и светский денди. Как вообще перейти на «ты» со столь изысканным утонченным мужчиной?

– Стараюсь следить за новостями. – Он поднялся и подошел к буфету. – Вы будете яйца пашот?

Она кивнула, немного удивленная тем, что он решил обслужить ее вместо лакея.

– Жареные колбаски? – поинтересовался он, поддерживая беседу и подавая ей завтрак. – Я объяснил повару, что мы сегодня собираемся осмотреть окрестности и нам понадобится захватить с собой ланч. Еще распорядился к десяти подать двуколку, чтобы отправиться до того, как станет слишком жарко.

Внезапно и совершенно неожиданно у нее на глаза навернулись слезы. Завтрак был совершенен. Аннора бы съела все, что бы он ни приготовил, даже тарелку угрей, настолько тронул его простой жест. Возможно, третьего пути не существует и надо просто отдаться фантазиям.

– Я и сама могла бы об этом позаботиться. – Она могла сделать все, много лет сама составляла планы и принимала решения.

– Конечно могли бы. Дело не в этом.

– О, вам вовсе не следует ожидать, пока я закончу завтрак. – Аннора с наигранным возмущением положила в рот кусочек печеного яйца. Завтрак для нее давно стал формальностью. Сегодня же показалось, что яйца против правил

горячи, колбаски ароматны и душисты, запеченные хлебцы теплые, масло тает во рту.

– Позвольте мне самому решать, чем приятно заниматься, чем нет.

– После завтрака мне необходимо переодеться, поэтому я не могу вас задерживать.

Он нахмурил брови, делая вид, что задумался.

– А зачем переодеваться? В этом платье вы выглядите восхитительно.

– Да, но оно не подходит для прогулки, – возразила Аннора, однако без особого пыла.

Ник подался чуть ближе к ней, подперев кулаком подбородок.

– Нас здесь, скорее всего, никто не увидит. Почему бы вам не послать горничную за шляпкой и перчатками, да и дело с концом? – Он поднялся и протянул ей руку, не дав возможности возразить.

Этим утром Николас Д'Арси действовал со стремительностью урагана и сноровкой хорошего управляющего. Правда, он успел усадить ее в двуколку, вручить шляпку, перчатки и легкую пелеринку, причем все в течение нескольких минут, намеренно игнорируя ее вопрос о свертке, привязанном горничной сбоку от сиденья.

– Вы все увидите, когда мы доберемся до места, – рассмеялся он, уселся подле нее на узком сиденье, рослый мужчина с длинными ногами.

Николас подобрал вожжи и щелкнул языком, погоняя лошадь, крепкую гнедую, которую Аннора часто использовала для коротких поездок, и они отбыли восвояси, слегка качнувшись и тесно прижавшись друг к другу. Эффект от этого, якобы случайного, «столкновения» не остался незамеченным. Аннора тщетно пыталась вжаться в спинку тесного сиденья, отодвинувшись в угол двуколки и стараясь не соприкасаться с ним бедрами, однако чем чаще она предпринимала подобные попытки, тем больше места отвоевывали себе его длинные ноги. Ей

пришлось облокотиться на него и позволить своему телу расслабиться. Возможно, следовало подать голос?

– Вы делаете это специально. – Оставалась крошечная вероятность, что ее спутник просто не понимал, что ненароком случилось по его вине. Однако голос разума лишь посмеялся над подобным наивным и абсолютно беспочвенным предположением. Ник отдавал отчет своим действиям.

– Что делаю?

Они налетели на кочку и вновь соприкоснулись бедрами.

– Это.

Его низкий чуть хрипловатый хохот гулко разнесся в воздухе.

– Здесь узкое сиденье, Аннора, и куда вы предлагаете мне девать ноги? К тому же не думаю, что это неприятное ощущение, просто оно вам пока вновь.

Она очень боялась привыкнуть к нему.

Да, с ним все казалось легким. Не пробыв здесь и дня, Ник Д'Арси мастерски изменил привычный ход ее ничем не примечательной жизни. Аннору не покидало странное ощущение правильности всего происходящего, насущной необходимости находиться с ним рядом. Будто они сто лет знакомы.

– Понимаете, в том, что я вам могу понравиться, нет ничего плохого. – Ник искоса посмотрел на нее. Аннору поразила его удивительная проницательность. – Так гораздо лучше.

– Как вы узнали, о чем я думаю? Вы что, умеете читать мысли?

– Я умею читать потребности тела и представляю ваш образ жизни. Вы долгое время были независимы, даже слишком, если хотите знать мое мнение. Не привыкли, чтобы за вами ухаживали.

– Вот здесь вы не правы, у меня есть слуги.

– Это не одно и то же. Я имею в виду, чтобы за вами ухаживал кто-то добровольно, а не по службе.

– Какое это имеет отношение к тому, что вы можете или не можете мне нравиться? – Аннора неловко пошевелилась на сиденье, искренне желая, чтобы между ней и соседом, между ней и этим разговором оказалась значительная дистанция.

– Огромное. Независимость привела к тому, что вы настороженно относитесь к другим людям. – Умело управляя, он объехал рытвину. – Перестаньте думать обо мне как о еще одном наемном слуге, отнеситесь ко мне с симпатией, позвольте мне вам понравиться, Аннора. Это не причинит вам вреда.

Возможно, он прав, однако это не уменьшило ее инстинктивного стремления к самозащите.

– Вы мне не друг. – Она украдкой взглянула на него, надеясь понять, как он отнесется к такому утверждению.

– Я гораздо, гораздо лучше, чем друг.

– Я могу доверять лишь друзьям.

– В самом деле? Тогда ответьте мне, пожалуйста, почему вы столько времени одна?

Она отвернулась, не отводя глаз от дороги, не удостоив ответом. Потому что люди ранят друг друга. Намеренно или нет, результат одинаков, а она просто не могла позволить себе вновь пережить эту боль. То, что сделали с ней ради денег тетушка и вереница женихов, непростительно.

– Мы ведем ту жизнь, которую хотим, Аннора. И никто и ничто не в силах изменить ее без нашего желания, – мягко заметил он.

Ничто, кроме календаря и юридических документов. Это утверждение уже было готово сорваться у нее с языка. Все должно измениться через пару недель, а она до сих пор ничего не решила. Мысленным усилием она отбросила неприятные

мысли. Решение пригласить кого-нибудь вроде Ника явилось последней попыткой бегства от действительности. И не стоит позволять обязательствам вносить сумятицу в душу в эти последние дни.

Тишину нарушил крик ястреба. Николас прижался к ней плечом и показал рукой на безоблачное небо, впечатленный появлением невольного нарушителя спокойствия.

– Мы нечасто встречаем их в Лондоне.

Аннора взглянула ввысь:

– Здесь на холмах проживает целая семья ястребов, я помню их с раннего детства. – Она улыбнулась. – Когда я была маленькая, мне нравилось играть в ястребов. Мы воображали, будто умеем летать. Глупо, да?

– Не совсем. В детстве у меня был воздушный змей. Мне очень нравилось его запускать, и я мечтал о том же. – Отведя взгляд от дороги, он улыбнулся в ответ и посмотрел ей прямо в глаза, словно разделяя сладость детских воспоминаний.

– С трудом могу представить вас маленьким мальчиком. – Практически невозможно вообразить этого утонченного мужчину беспокойным проказником, бегавшим в коротких штанишках по сельским просторам и запускавшим воздушных змеев.

– Почему же? Я был восхитителен.

Аннора слегка покачала головой:

– Просто сейчас вы такой… такой безукоризненный. Ваш костюм, манеры. Вы всегда знаете, что сделать и что сказать. Не могу представить вас иным.

Николас рассмеялся:

– Моя матушка описала бы меня по-другому. Уверяю вас, и на мою долю пришлись разбитые в кровь коленки и очень даже неприятные происшествия. – Он подмигнул ей и закончил с преувеличенной серьезностью: – И у меня тоже

была мама, подумать только!

После этого беседа заметно оживилась. Они обсуждали растительность, встречавшуюся по пути, полевые цветы на обочине, поля и посевы. Наконец, Ник остановил двуколку неподалеку от извивающейся широкой серой лентой реки. Там, где в тени огромной плакучей ивы был сооружен небольшой заливчик для купания.

– Ох, я сто лет не была здесь. – Аннора пристально взглянула на него, внезапно заподозрив неладное. – Откуда вы узнали о существовании этого места?

Николас пожал плечами и помог ей спуститься, задержав руки на ее талии, придерживая в крепких уверенных объятиях.

– Я поспрашивал тут и там. Ваш главный конюх заметил, что это очень хорошее место для пикника. – Николас подошел к двуколке и начал распаковывать багаж. – Я также слышал, что это очень хорошее место для рыбалки.

Удочки! Господи, она не видела удочек с тех пор, как скончался дедушка, не совсем уверенная, что они до сих пор хранятся в усадьбе. В глубине души она подозревала: рыболовные снасти успели сменить хозяина, перейдя во владение конюхам, частенько рыбачившим по выходным, или их позаимствовали деревенские мальчишки. Но нет, удочки чудесным образом оказались здесь, оснащенные необходимым рыболовным снаряжением. Ник вытащил одну удочку.

– Вы участвуете?

Аннора бросила быстрый взгляд на его сапоги, тщательно начищенные и, несомненно, чрезвычайно дорогие.

– Вам придется для этого забраться в воду.

Ник подмигнул:

– Открою вам маленький секрет. Я собираюсь снять сапоги. А вы как? Не думаю, что ваши полусапожки больше подойдут для этой цели. – Он присел на большой

камень и стащил сапоги. – А вот и другой секрет! Я подумываю снять не только сапоги.

Господи, он так и сделал. У Анноры пересохло во рту, когда Ник закатал бриджи и принялся стаскивать чулки, открывая мускулистые икры. Немногие представители мужского пола могли похвастаться столь же совершенными нижними конечностями со скульптурными мускулами. Это свидетельствовало об отменном здоровье. Перед ней мужчина, прекрасно знающий, как о себе позаботиться, чье тело отличалось естественной атлетической красотой и не нуждалось в корсетах и подплечниках, чтобы демонстрировать мужские достоинства. В нем не было ничего искусственного.

Николас снял сюртук, и это лишь подкрепило уже сложившееся впечатление. Тонкая льняная сорочка, натянутая в плечах и присобранная в талии, подчеркивала стройную линию бедер.

– Ну и? Не копайся, Аннора. – Он залез в реку с удочкой. – Сначала рыба, потом ланч. Одно без другого невозможно.

«Ах, конечно, конечно, дай только подвязать ленточкой отпавшую челюсть», – мелькнуло в неожиданно опустевшей от прочих мыслей голове. Какая глупость!

Ник подбросил ей удочку.

– Или, может быть, ты испугалась?

Это подначивание вкупе с неожиданно фамильярным «ты» сделали свое дело. В свое время Аннора была очень даже неплохой рыбачкой и рьяно взялась за дело. Вскоре полусапожки и чулки уже были стянуты, длинный подол пышного платья подобран при помощи ленты для волос.

– Да я легче легкого возьму первенство у такого городского щеголя, как ты!

Николас ухмыльнулся:

– Так докажи!

Глава 6

Она попробовала пальчиками ноги воду и словно перенеслась в прошлое. Как быстро к ней вернулись былые ощущения! Тело не забыло ни одной даже самой незначительной детали. Неуловимым движением она закинула удочку, наслаждаясь теплым чувством узнавания. Наживка упала в реку и заскользила по течению. Приятную остроту ощущениям добавляло осознание того, что Николас одобрительно за ней наблюдает.

– Мне было около тринадцати лет, когда я последний раз этим занималась! – воскликнула Аннора, перекрикивая шум быстро текущей воды.

– Очень мило! – Он окинул ее лукавым взглядом, намекающим, что сдаваться никто не собирается. Едва она вновь взялась за удочку, он резким броском от бедра закинул наживку, с тихим шлепком приводнившуюся неподалеку.

– Пижон! – иронично прокомментировала Аннора демонстрацию рыбацкой удали. – Совсем неплохо для светского льва. – Краем глаза она поймала подозрительное движение в воде слева. Рыба! И быстро смотала леску. Обычного броска достаточно, однако не терпелось показать и свое умение. – Учись, горожанин! – Она молниеносным движением закинула удочку назад, потом вперед и вернула в исходное положение, исполнив блестящий ложный замах.

После этого началось настоящее соревнование. Он ответил броском с боковым замахом. Она резко свернула удочку, выполнив отвлекающий маневр. Ник отличился двойным рывком. Аннора безупречно отвела удочку назад. Насквозь промокшие и хохочущие, они полностью погрузились в процесс.

Ее наживка резко ушла под воду, вернув внимание к первоначальной цели.

– Поймала! – Ее охватило небывалое волнение. Она начала сматывать леску, подводя добычу ближе, однако сильное течение и величина рыбы не позволяли сделать это. Пришлось шагнуть глубже, сокращая расстояние между собой и добычей, однако рыба тянула. Аннора все больше соскальзывала в воду, погружаясь босыми ногами в вязкий ил и отчаянно пытаясь удержать в руках

удилище. Удочка начала сгибаться пополам. – Черт возьми, ты не ускользнешь от меня, проклятый ублюдок! – Ей была настоятельно необходима помощь.

Едва Аннора успела об этом подумать, как Николас оказался рядом. Крепкие надежные пальцы сомкнулись на ее руках, мускулистое тело надежной стеной встало за спиной, позволяя опереться и перевести дух.

– Ай-ай-ай, Аннора! Что за язык для леди! Никогда бы не подумал! – Он усмехнулся у нее над ухом. Сквозь вымокшую сорочку Аннора чувствовала исходящий от него жар и мускулистую стать. – Тяни со мной, думаю, мы ее подцепили.

Они натягивали леску и чуть отпускали, давая добыче возможность утомиться, смеялись и спотыкались, борясь с быстрым течением. Аннора опиралась на его крепкое тело, словно черпая дополнительные силы. Наконец, они подвели к берегу огромную речную форель.

– О, ее хватит, чтобы прокормить двоих. – Ник резким движением вытащил рыбу на берег и плюхнулся рядом. – Сохраним ее на ужин!

– А как же ланч?

Он усмехнулся и достал специальный ножик для чистки рыбы.

– Из нас двоих ты показала себя лучшим рыбаком. Так что отправляйся и добудь нам пару рыбок на ланч, а я позабочусь об этом красавце.

– Спорим, я тебя перегоню! – Аннора рассмеялась и вновь вступила в борьбу. С платья стекало. Совершенно не важно, насколько еще она успеет промокнуть. Однако из этого сражения с силами природы она была счастлива выйти проигравшей.

К тому времени, когда Аннора возвратилась с большой плетеной корзиной, полной рыбы, Николас успел разбить походный бивуак. Вокруг небольшого костерка расстелены одеяла, над огнем укреплен вертел. День был теплым, однако после ледяной воды приятно оказаться в тепле и немного подсушить

платье.

Ник принялся чистить рыбу, Аннора выкладывала принадлежности для пикника. И не смогла не заметить отсутствие важной детали.

– Ты не преувеличивал, говоря, что без рыбы не будет ланча?

Ник лукаво усмехнулся, низко наклоняясь над костром, мокрые бриджи плотно облегали мускулистые ягодицы.

– Я никогда не лгу. – Он вытащил успевшую поджариться рыбу и положил на тарелку Анноры. – Мы бы вряд ли голодали. Я прихватил хлеб и вино.

– Ну, трапеза, мягко говоря, далеко не роскошна.

Она нарезала хлеб. Ник наполнил бокалы. Ей было просто и легко. Она никогда не думала, что нарезка хлеба может стать столь личным и интимным действом, однако здесь, на берегу у костра, именно так и было.

– О, смею тебя заверить, бывает хуже. – Николас уселся рядом с ней, по-прежнему необыкновенно привлекательный, с упавшими на лицо влажными волосами, в распахнутой сорочке, приоткрывшей мускулистую грудь, не уступавшую загаром ногам.

– Например? – Аннора попробовала рыбу. Сок брызнул на подбородок, и она попыталась слизнуть каплю языком.

– Лютефиск. Это норвежское блюдо. Рыба, замачиваемая в березовой золе для придания ей особого вкуса. – Николас состроил гримасу.

– Где ты такое попробовал? Звучит ужасно. – Аннора рассмеялась. Со вчерашнего дня она то и дело улыбается и заливается смехом, и ей это необыкновенно нравится. Неужели мир был настолько уныл до его приезда.

– Когда я впервые оказался в Лондоне, некоторое время жил с одной норвежской семьей. Теперь моя очередь. Какое самое ужасное блюдо доводилось пробовать тебе?

– Даже не знаю. – Аннора задумчиво поправила прядь волос на лбе. – О да, вспомнила! – Она внезапно улыбнулась, наслаждаясь воспоминанием. – Однажды еще девчонкой я прокралась на кухню, желая испечь пирожное. Достаточно сказать, что оно не совсем удалось.

В уголках его глаз плясали веселые искорки.

– По моему скромному опыту, сахарная глазурь способна исправить многие обреченные кулинарные творения.

– Только ни в этом случае. – Аннора доела рыбу и отставила тарелку. – Чем займемся дальше? – Она чувствовала себя расслабленной, возможно, даже пребывала в некоей эйфории. Рядом с ним удивительно легко. Если подумать, как много приятных вещей уже связано у нее с Николасом, с ним легко смеяться, разговаривать. Наверное, с ним легко делать буквально все:

– Я собираюсь поплавать. А ты? – вдруг предложил Ник.

А вот это нелегко. Купание для леди – процесс непростой. Аннора подтянула к себе крепко сомкнутые коленки и обвила их руками. Когда-то ей очень нравилось плавать, однако с тех пор она выросла, и купание оказалось в числе вещей, неприемлемых для леди. Дамы не могут плавать в одежде, а иначе это занятие в высшей степени непристойное, тем более на публике.

– От воды отяжелеют юбки.

Николас лукаво усмехнулся.

– Тогда сними их.

Он уже приготовился спорить с ней на тему купания, хотя прекрасно знал, что делать. Он стащил рубашку и повесил на ветку. Возможно, это получилось не столь грациозно, как хотелось, поскольку та насквозь промокла и прилипла к телу. Затем он потянулся рукой к поясу бриджей.

– Что ты делаешь? – Ей едва удалось скрыть возбуждение и предвкушение чего-то запретного.

– Снимаю бриджи. Не собираюсь плавать в них.

– И в чем же ты собираешься плавать?

– В том, чем наделила меня природа. Ты же можешь искупаться в нижней рубашке, если хочешь.

– Не могу, – запнулась Аннора, прикусив губу.

– В таком случае избавься и от нее тоже. – Он спустил бриджи до бедер и, дрыгая ногами, быстро от них избавился, оставшись в исподнем, дабы не смущать ее. Обернулся, и Аннора покраснела, стараясь отвести взгляд. – Только не говори, что тебя пугает мой естественный вид. – Николас широко растопырил руки и двинулся на нее. Он не мог удержаться от безобидной шутки. Ник понял: ее всегда можно поддразнить. Скованная социальными ограничениями дикость и необузданность вырывались на свободу, стоило ей ослабить тиски самоконтроля. И ему нравилось ослаблять эти тиски, как совсем недавно с рыбалкой.

– Это совсем не то.

– Да что ты? Неужели смущаешься собственного естества? Знаешь, а я полагаю, ты прелестна в своем, так сказать, естественном виде. – Он взял ее за руку, и насмешливое поддразнивание внезапно выветрилось из его голоса. – Давай же, Аннора. Мы здесь одни. Ты поедала глазами заливчик с тех пор, как мы здесь, и прекрасно знаешь, что тебе очень этого хочется. – Тебе хочется сделать гораздо больше, чем просто искупаться, и если ты посмотришь на меня, поймешь, мне тоже.

Он поднял ее с земли, заключил в объятия, крепко целуя грудь, шею, губы. На вкус она напоминала вино, тело податливо уступало обжигающим прикосновениям его губ. С ее уст сорвался слабый стон. Он быстро справился с немудреными застежками платья. Ник помедлил, прежде чем спустить платье с ее плеч, предоставляя последний шанс отказаться. Если Аннора так сделает, он ее отпустит. Но она не уклонилась. Ник улыбнулся своим мыслям. Порой любому из нас необходим небольшой толчок.

И вот они уже сбежали вниз с пологого берега. Она крепко вцепилась в его руку, и они прыгнули в купальню, с резким всплеском уйдя под воду. Ник сдавленно вскрикнул. Господь всемогущий, как же холодно! Он вынырнул, замотал головой, отряхиваясь от воды и отфыркиваясь. Николас наблюдал, как из-под воды показалась Аннора, волосы облепили лицо. Она хохотала, пытаясь отдышаться.

– Ты должен был меня предупредить! – воскликнула Аннора. – Вода гораздо холоднее, чем я думала.

– Я должен был тебя предупредить? Это же твоя купальня!

Ник обдал ее целым фонтаном брызг. Она вскрикнула и ушла под воду, пропав на какое-то время из виду, пока Николас неожиданно не ощутил, как его тянут за ноги. Он снова окунулся в ледяную воду. Ох, ну он ей сейчас покажет!

Аннора ожидала его под водой, и Ник открыл охоту. Пойманная, она издала недостойный респектабельной леди визг, и Николас крепко ее поцеловал.

– Это самое меньшее, чего ты заслужила, девчонка, за то, что хотела меня утопить.

Несмотря на видимую серьезность, он совершенно очевидно задыхался от едва сдерживаемого смеха. Ее руки оказались на его шее. Его ладони охватили соблазнительные груди. Тонкое льняное полотно нижней рубашки четко обрисовывало темные бутоны сосков. Влажная ткань не защищала, приоткрывая и провоцируя, не скрывая контуры гибкого тела. Аннора запрокинула голову, упиваясь прелестью ускользающего мгновения. Даже в ледяной воде зрелище потрясающей женщины, получавшей наслаждение от опасной игры, возбуждало его вполне естественно. Не требовалось ни специальных «игрушек», ни определенной концентрации с его стороны, чтобы достигнуть этого состояния.

И в эти драгоценные мгновения Николас познал истину. Он ожил! Очарование летнего дня, мощь ответа тела воспламенили кровь, посылая жизненные импульсы по венам. Именно те чувства, которые, по его мнению, навсегда потеряны для него. Николас не испытывал подобного с тех пор, когда семнадцатилетним юношей был безнадежно влюблен или полагал, что влюблен, в том возрасте любое чувство воспринималось как любовь до гроба, в Бренну

Форсит, дочь местного сквайра. Что за безумное лето!

Взглянув на Аннору, Ник заметил, что ее глаза переполнены теми же эмоциями, он понял, что не одинок в своих чувствах, ни одного его покорило непередаваемое очарование мгновения. Однако разделить подобное чудо с едва знакомой женщиной? Потрясение! С лондонскими красавицами он никогда не испытывал ничего подобного. Она особенная, неповторимая.

Губы Анноры приоткрылись, она слегка наклонила голову, и все мысли о былых летних месяцах улетучились. Этот едва заметный поворот ее головки стал единственным предупреждением, и вот она уже целовала его. Нежно, чуть прикусывая нижнюю губу зубами, обводя языком контуры его рта. Вероятно, самый честный, самый настоящий поцелуй, который ему довелось отведать. Ник полностью отдался небывалому ощущению.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Вайтс» – старейший джентльменский клуб Лондона. (Здесь и далее примеч. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/skott_bronvin/sekrety-dzhentl-mena-po-vyzovu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить